

Ирина Дубровская

*БЛИЗОСТЬ
МОРЕ*

Одесса
Optimum
2014

ББК 84 (4Укр=рус) 6 Од.
Д 79

Дубровская И. А.

Д 79 Близость моря. Стихотворения, поэма.
– Одесса: Изд-во "Optimum", 2014. –
305 с.: ил.

ISBN 978-966-344-581-6

Ирина Дубровская (Одесса, Украина).
Поэт, автор десяти сборников
стихотворений.

Ее творчество, наполненное тонким
лиризмом, не лишено гражданской
патетики, размышлений о судьбах
великой и малой родины.

ББК 84 (4укр=рус) 6 Од.

©Изд-во "Optimum", 2014

©Дубровская

Ирина Анатольевна, 2014

©Т. Сычева, В. Михалев,
обложка, 2014

©И. Аристова-Никитина,
графика, 2014

ISBN 978-966-344-581-6

От автора

Этот сборник писался и составлялся в те относительно спокойные дни, когда украинский нарыв еще не прорвал. Тревога только копилась в душе и еще оставляла место мыслям о судьбах поэзии и всякого рода лирическим переживаниям. Еще были стихи... Сейчас, когда ситуация изменилась и пресловутая "точка невозврата" уже чернеет под ногами как край неодолимой пропасти, наступило онемение. Онемение и ожидание. Ожидание и молитва. Молитва мирного человека о недопущении ужаса и хаоса войны. Молитва поэта о том, чтобы голос муз не был сломлен грохотом пушек, а лирическое переживание не капитулировало перед простейшими инстинктами.

Понимаю, как бы ни разрешилась в итоге украинская дилемма, придется и дальше жить в нынешнем мире, построенном на диктатуре золотого тельца и двойных стандартов, пронизанном лицемерием и нравственной гнусностью. Авторы разрушительных сценариев бодро шагают по планете

*преисполненные рвения одемократить всех и
вся на своем пути.*

*Действуя как искусные ловцы душ, они
планомерно и успешно движутся к цели.*

*Но тем и отличен творящий дух от
"мертвой плоти" принадлежащего им мира,
что сохраняет верность истинному пути -
пути созидания и любви, красоты и гармонии.
С ними и обращаюсь к каждому, кто откроет
эту книгу.*

2 февраля 2014 г.

Близость моря

1

Близость моря дает ощущение свободы,
Одинокой, суровой свободы скитальца.
Близость моря дается как милость природы,
Почему и за что, разузнать не пытайся.
Просто милость прими с благодарным поклоном
И живи с ней до гроба как Божий избранник:
Неизбежно пропитанный духом соленым,
На родных берегах — бесприютный изгнанник.

Близость моря как страсть, что никак не отпустит,
Все томит и томит подневольную душу.
За беспечной волной — бездна ранящей грусти,
И уже не спастись и не выйти на сушу.
Близость моря как крест, что несешь безотказно:
В подчиненье стихии живя с малолетства,
Пишешь строки о жизни, веселой и разной,
Их таким же, как ты, оставляя в наследство.

2

С моря веет прохладой и вечным сиротством.
Хоть бы сколько родни у тебя ни нашлось,
Одиночество в душу к тебе проберется:
Всех кружений твоих неизменная ось,

Сердцевина всего, что несешь ты с собою, —
От него и строка, и земные пути.
Что по кругу бежать? Что тягаться с судьбою?
Чем объята душа, от того не уйти.

* * *

Таков счастливый мой билет:
Изгоем быть из всякой стаи
И жить в стране, которой нет,
Ее устав не принимая.

И ничего уже не ждать
От жизни вздорной и мгновенной.
Пустых иллюзий не питать
И знать, что рукописи тленны.

А все ж мараť бумажный лист,
Привычку путая с наитьем,
Считая птичий этот свист
Важнейшим жизненным событьем.

* * *

— Будем жить, — сказала я себе.
— В пляс пойдем, сыграем на трубе
И с тоскою справимся, быть может...
Свежий ветер сердце растревожит,
И оно о счастье запоет,
Будто снова верит, снова ждет.
Пусть поет, пусть в песне хоть живет.
Будем жить, да здравствует полет!
Мне самой давно наскучил мой
Эсхатологический настрой.

Пусть же дольше века длится миг
Как не иссякающий родник
Жизни... Хоть иссякла и прошла,
Все ж расправим сникшие крыла,
И пускай несут, куда-нибудь.
Лишь в полете истина и суть
Пребыванья нашего в миру.
Будем жить, уверуем в игру
Тайных сил, поднявших над землей
Даже тех, кто сделался золой.

Не пишется

Не пишется, не слышится
То тайное броженье,
Которым струн колышется
Тугое натяженье.

Той музыки дыхание,
С которою так сладко
Пускаться на закляние
И с головой в тетрадку

Нырять без промедления,
Призыву повинуюсь.
Так тихо, что сомнения
Опять ко мне вернулись.

Явились в ночь бессонную
Подтачивать основы.
Внутри — лишь куча сорная
И ни ростка живого.

* * *

Не хочется писать обыкновенно,
Как пишут нынче все, кому не лень.
Молю Творца коленопреклоненно
Послать благоуханный, как сирень,
Как небо, чистый звук моим аккордам,
Как ветер, свежий дух — моей строке.
Иначе смысла нет, я знаю твердо,
Держать перо в безжизненной руке.
Иначе скучно это и не нужно.
Создатель мой, соблазны прочь гоня,
От праздности ль, от блажи ли недужной
Писать без вдохновенья и огня
Не допускай. Как прошлогодний снег,
Бесцветный слог, лишенный мук и нег.

* * *

Что такое творчество
без огня небесного?
Скука и обыденность.
Ничего чудесного,
что способно тронуть вас,
пробудить от вялости,
в нем вы не услышите,
даже самой малости.

Никакого творчества
там, где нет горения,
там, где жизнь не хочется
силой вдохновения
изменить и новую
сотворить вселенную,
бросив в почву рыхлую
искру вдохновенную.

* * *

Все преходяще — волненья, страданья,
Минет житейская чушь.
Серость и будничность — вот испытанье
Для артистических душ.

Их, исключительных, знающих ценность
Творчеству отданных дней,
Жизни унылая обыкновенность
В гроб загоняет скорей.

* * *

Прежней, девичьей наивности
Мне так хочется подчас.
Жажду жизни непрерывности
И сиянья милых глаз.

Так о нежности мечтается,
Так движения легки,
Словно жизнь еще верстается,
Словно мы еще близки.

Под мерцающими звездами
Забывается подчас
И о том, что все уж сверстано,
И о том, что нету нас.

* * *

Снова о душе своей уставшей,
О тщете и подлости времен...
Повторяюсь. Словно лист опавший,
Сетую на горечь и урон
Жизни, пробегающей мгновенно.
Кто я, что я, жизнь? Лишь пленник твой,
Тот опавший лист обыкновенный,
Что еще трепещет, как живой.

* * *

Одиночество — не среда,
Обступающая бесстрастно.
Одиночество — это когда
Встречи делаются напрасны,
Связи делаются тонки,
Так, что сами собою рвутся.
Одиночество, высоки
Ноты те, что тобой даются.
Но стряпню на твоих пирах
Добровольно бы есть не стали...
Одиночество — это крах
Тех надежд, что тебя питали.
Что осталось от них теперь?
Что случилось теперь с тобою?
Одиночество, вкус потерь,
Неизбежных на поле боя.
Голосов все слабее шум,
Все пустынной земные кущи...
Одиночество: горький ум,
Сам с собой диалог ведущий.

* * *

Славлю, славлю жизни бег,
Хоть кажусь чужою.
Я веселый человек
С грустной душою.

Я по-прежнему легка
На подъем высокий,
Хоть незваная тоска
Проникает в строки.

Хоть не верю в чудеса
Здесьнего порядка,
Золотятся небеса
У меня в тетрадке.

Пусть не гаснет этот свет
В мире бессердечном!
Просит смертный человек,
Пишущий о вечном.

* * *

Поэзия, ты сердца молодого
Пронзительная исповедь. Созрев
И молодость отдав, тускнеет слово,
Замедленным становится напев,
И плод не источает аромата
Цветущей жизни. Но еще порой
Душа напоминает, что крылата,
И тешит слух привычною игрой
Летающих звуков. Да, еще, пожалуй,
Поэзия имеет право жить:
Уже в груди сгоревшая пожаром,
Но крылья не успевшая сложить.

Из детства

1

Детство было обычным,
как до обжига глина:
прозаичным, тепличным,
с неотвязной ангиной,
с неустанной заботой
о поправке здоровья,
с беспокойною нотой,
с материнской любовью.

Детство было как детство,
ничего в нем такого:
краткий срок малолетства,
тяготение к слову,
одиночества бездна —
отсвет муки грядущей,
суета бесполезной
жизни, рядом текущей;

встреча с первой любовью,
затаенной в глубинах,
и опять в изголовье —
тот, что был при ангилах,
призрак смертной истомы,
но не страшный, привычный,
ибо старый знакомый,
спутник жизни *обычной*.

Странная девочка, гадкий утенок,
Косы заплетены тщательно.
В крыльях младенческих мало силенок.
Надо учиться старательно,

Надо внимательно книжки прочитывать,
Пестовать душу несмелую.
Лишь на нее-то и можно рассчитывать:
Вырастет лебедью белою,

В небо поднимется, силой наполнится,
Будто бы в сказке, изменится.
Только когда еще это исполнится,
Сколько муки перемелется...

Оттепель

Внезапная оттепель город накрыла
Волной однодневной.
И город плывет в суматохе унылой,
И нудно, и нервно
Звучит эта музыка струй бесконечных
И труб водосточных,
Столь схожая с музыкой жизнью невечных
И связей непрочных.

Зависть

Я завидую тем, кто живет интересно:
Предприятия, события, знакомства, находки.
Я в сравнении с ними — лишь дух бестелесный,
Проходящий над жизнью неслышной походкой.

Я среди них незаметна, нелепа, ничтожна.
Но когда б они только могли догадаться,
Как от боли порою вздохнуть невозможно,
Даже если над нею сумел ты подняться.

Писателю

1

Не стань, писатель, описателем,
Нырять не бойся в глубину!
Жемчужных зерен будь искателем —
Лишь так отыщешь новизну
И айсберг тот, что лишь верхушкой
Писак поверхностных прельстил.
Не будь, писатель, милой душкой,
Не трать на угожденье сил.
Но трать на то, чтоб слово новое,
В душе созревшее, сказать
И душу вырастить, готовую
Перед Всевышним предстоять.

2

Что толку кукситься и тлеть,
Писать надуманно и скучно?
Не бойся в творчестве сгореть!
Подобна барышне тщедушной
Строка, лишенная огня, —
Довольно их, сырых и пресных!
Писатель, увлеку меня
Открытьем смыслов неизвестных!
Растрогай драмою своей,
Вонзи язвящую занозу,
Чтоб, вскрикнув, я узнала в ней
Свои волнения и грозы.

О понимании

Не надо писать для кого-то,
не надо писать для чего-то.
Все это напрасные муки,
все это сизифов удел.

А надо писать *от* чего-то:
от странной привязчивой ноты,
от трудной душевной работы,
от сердце пронзающих стрел.

Ведь только затем ты и пишешь,
что музыку в воздухе слышишь,
которую хочешь поймать.

И думать не думай, что кто-то,
томимый своею заботой,
вдруг станет твою понимать.

Поэтический язык

Язык поэтический — это
Такой генетический код:
Какой-нибудь предок поэта
Был ветвью изящных пород.

А может, и не было предка,
Но высших миров существо,
Что смертных касается редко,
Однажды коснулось его.

Какая вам разница, люди,
Откуда он в мире возник?
Он вам, будто яство на блюде,
Несет свой особый язык.

Язык не обыденный это,
Но боли он полон земной
И ласки, и грусти, и света,
И сходства с землею родной.

Он с виду и прост и беспечен,
И даже наивен порой.
Но знайте, исток его вечен
И славен возвышенный строй.

И даже когда глухотою
Всеобщей распят и убит,
Он сложной своей простотою
Останется все ж знаменит.

Время

(Две вариации)

1

Кораблик на волнах качается,
За горизонтом исчезает.
О том душа моя печалится,
Что жизнь вот так же уплывает
И не воротится мгновение:
Прекрасно было иль напрасно,
А жаль его. Без сожаления
Лишь Время, деспот самовластный.
Оно не терпит промедления,
Карает за опереженье.
Течет, и скорость истечения
Растет по мере продвиженья.

2

Так время и убьет:
ничтожной суетой,
никчемностью своей,
цинизмом и расчетом.
И даже если ты
тягаешься с тщетой
и свет небесных сфер
зовешь своим оплотом,

то и тогда тебе
судьбу не обмануть.
А все же не сдавай
последнего редута.
Пускай оно сильней,
а все же не забудь:
уж лучше жертвой быть,
чем стать его «продуктом».

Прикосновение

Ни взора и ни разговора
Уже не вспомню твоего.
Но не забудется так скоро
Прикосновенья волшебство.

Ну как забыть — не ум ведь помнит,
А сердце памятью живет
О жизни прежней, неги полной
И неоплаченных щедрот.

О ней, звучащей обещаньем
В те дни, в те сладостные дни
Перед мгновением прощальным,
Когда казалось, мы одни,

Совсем одни в пустой Вселенной...
Пускай казалось. Правда в том,
Что ценность жизни этой тленной
В прикосновении твоём.

Память

Взъерошив памяти пласты,
Себя одерну нареканьем:
Еще не вечер ведь, а ты
Уже живешь воспоминаньем.

Не отпылал еще закат —
Червонным золотом алеет,
А ты глядишь уже назад,
А ты спешишь на ту аллею,

Что мхом белесым заросла,
В далеких далях затерялась.
Пусть к счастью и не привела,
Но незабвенною осталась.

Простая история

У самого синего моря жила,
Неверное счастье свое стерегла.
Глаза проглядела, но что в том за прок?
Лишь небо да море, да желтый песок.

Лишь небо да море, да чувство в груди,
Что больше ничто уж не ждет впереди.
Не ждет, не встречает, и день ото дня
Все менее это печалит меня.

Ломаные линии

1. Вчера и сегодня

Не включай яркий свет,
не вспоминай про яркие краски.
Их больше нет.
Прощайте, вчерашние сказки.

Не хочется видеть людей,
даже любимых.
Депрессия? Кризис идей?
Возможно... Для душ ранимых

любое движение раной чревато,
любой поворот судьбы.
Жизнь — это вообще сплошная утрата
и задним числом гадания —
если бы да кабы.

Не гадай, не пытайся поднять
то, что давно в могиле.
Посидим в полутьме,
вспомним время под треск свечей,
когда так хотелось счастья
и чтобы тебя любили,
и еще многих-многих
невозможных вещей.

2. *Ветреный день*

Воет ветер, безбожно воет —
к перемене погоды? к перемене жизни?
Ноет сердце, тревожно ноет —
о себе? о несчастной своей отчизне?

Хоть банальна рифма, да не сыщешь лучше:
кровь с любовью рядом, жизнь с отчизной слита.
Так и есть по сути. Не ищи, получишь
от лукавых мудрствований — дырявое корыто.

Мир стоит на банальностях, как дом на сваях.
Мы капризны и привередливы,
нам подай новое, необычное.
А когда налетает ветер и бесится,
крышу срывая,
так становится страшно
за обыденное, привычное...

3. *Простой узор*

*Человек рождается, трудится, женится,
рожает детей и умирает, —
этого простого узора жизни нет совершенней.
Это из Моэма, если кто-то не знает,
и действительно, не найти гениальней решенья.*

Жаль, что приходишь к этому слишком поздно,
позади бури, разбившие твою лодку.
Ты хотел счастья, ты жадно смотрел на звезды,
а жизнь за жадность хлестала тебя плеткой.

Много желаний... Это всегда чревато
многим страданьем. Правы буддисты, правы.
Нечего делать,
носись теперь с книжной цитатой,
если простой узор был тебе не по нраву.

Новость

Планета вздрогнула слегка,
От потрясения сбившись с ритма,
И просвистело у виска:
«Челябинск. Дождь метеоритный».

И новостей понесся шквал,
Тревожно замелькали кадры.
Быть может, так придет финал:
Мгновенной вспышкой, каскадом

Небесных тел... Что ж, для ума
Готова новая загадка.
Страшит неведомого тьма,
И без предела кутерьма
Царит, где должно быть порядку.

Приближаясь к нулю

1

Каждый сам за себя: ни идей, ни вождей,
Ни бодрящих надежд на счастливое завтра.
Мы похожи на тех, самых первых людей,
Тех беспечных детей, что с веселым азартом
За добычей гнались, поклонялись тельцу
И к подобным себе сострадания не знали.
Обнуляется мир: приближаясь к концу,
Возвращаемся мы к тем, кем были вначале.

2

Приближенье к нулю — разрушительный путь:
Все теряешь на нем, что от Божьего света.
Как печалит твоя измененная суть,
Гражданин человек! (уж молчу про поэта).
Неужели и я изменюсь, обнулюсь?²
Пробираясь во тьме, замирая при свете,
Невозвратную точку нащупать боюсь
И тихонько молюсь (в том числе о поэте).

3

Не того ты страшись, что упала звезда,
Не житейских потерь, не обид нанесенных, —
Золотого тельца, что берет города,
Одичанья души в городах осажденных.
Кто родиться успел, тот попал в переплет,
Никого не щадит тленный дух вырожденья.
Не тревожься ж о том, что пришло и уйдет, —
Не о временном речь в роковые мгновенья.

* * *

Те, жившие до нас,
Еще в себе несли
И доблести запас,
И боль своей земли.

Те, певшие сквозь хрип,
Валя таежный лес,
Несокрушимых глыб
Еще имели вес.

В дни бедствий и разрух
И в терниях глухих
Тысячелетний дух
Еще боролся в них.

Их жизнь и смертный стон,
Над всем имея власть,
Хранила связь времен,
Пока не прервалась.

Но время вдаль летит
Без удержу, и вот
Родился новый вид,
Явился новый род:

Не помнящий родства,
Растет, вдыхая прах,
Как дикая трава
На выжженных полях.

С новой весной

1

Строка за строкой летит в пустоту
Безвестности, навсегда.

Весна на пороге — опять в цвету,
Прекрасна и молода,

Предстанет земля на короткий срок.

И ты тут как тут, поэт:
Охапку душистую свежих строк
Пакуешь красотке вслед.

Напрасно спешишь — и они падут

В ту прорву, что все пожрет.
Однако ж, упрямец, ты снова тут,
Хоть знаешь все наперед.

И даже когда до последних сил

Всю жизнь ни за что отдашь,
Ты так же уйдешь, как обычно жил, —
Держа в руке карандаш.

2

Вопрос неотвязный — к чему же все это?

Противиться глупо течению Леты:
Накроет волной, не оставит ни звука.
От творчества мука, напрасная мука!
Никто не читает, никто не прочтет,
А роза под сердцем цветет и цветет.

Какого же смысла великого ради?
Сомнут, не заметят, затопчут не глядя.
Но роза об этом, как видно, не знает
И с новой весною опять расцветает.

* * *

Когда твоих стихов никто не ждет
И никому не нужно их звучанье,
Ты делаешься схимником, вперед
Ты движешься без всякого желанья,
Но повиняясь Музыке одной.
Она душевных драм твоих свидетель
И врачеватель ран, а ты — больной.
Как ни гляди, понятно даже детям,
Что так, как ты, здоровому не жить:
Себя назначив жертвою напрасной,
Беспрекословно Музыке служить
И следовать за нею ежечасно.

* * *

Если б не юмор, не крылья иронии легкой,
Не многозначность, не тайные смыслы подтекста,
Сгнула б, верно, моя одинокая лодка
В вязком тумане, похожем на жидкое тесто.

В зыбкости этой, обманности, подлости, злости,
Что в двух словах *окружающим миром* зовется,
Не устоять мне без этой спасительной трости,
Музыки этой, что вместе с душою дается.

Только б не кончилась, только б жила и звучала,
Власти своей подчиняя житейскую прозу.
Болью, любовью, печалью меня наполняла,
Смехом рассыпчатым сквозь непросохшие слезы. . .

* * *

Я не знаю, как пишется стих,
Приблизительны все толкованья.
Даже точный какой-нибудь штрих —
Лишь кирпичик высотного зданья.

Предположим, сегодня вот так.
А назавтра все будет иначе:
Неприметный какой-нибудь знак
Станет верным залогом удачи,

Иль напротив, окажется вдруг
К диссонансу приведшею нотой.
Кропотливый мучительный труд?
Несказанная сладость полета?

Правда — все, но не верь ничему,
Ибо тайне не дать описанья,
Как открыть невозможно уму
Только сердцу доступное знанье.

* * *

И вновь себя принудить жить,
Превозмогая нежеланье,
И прясть обыденности нить;
Под блеклой будничною тканью
Быть незаметной, быть больной
От монотонности тягучей.
Но всякий раз вставать стеной
За неожиданный, как случай,
Визит крылатой, легкой той,
Тебя в полет позвавшей Музы.
И плодотворностью союза
С высокой гостьей дорожить,
Как честью, в муках обретенной.
Все так, себя принудить жить,
Чтоб речь лилась непринужденно.

* * *

Если Вечность слышится в мгновенном,
Значит, речь как исповедь ведется.
Если песнь твоя о сокровенном,
Значит, высоко тебе поется.

Кто раним и трепетен, как дети,
У того и гамма чувств богаче.
Что найдешь особого в поэте?
Жизнь души и сердца, не иначе.

Для иных обыденные сцены
Представляют важность и значенье.
Для поэта ж только то и ценно,
Что приводит к звукоизвлеченью.

Он в себя, как в дальнюю дорогу,
Как на край земли, уходит снова,
Чтоб добыть не мало и не много —
Правдой чувств наполненное слово.

Только что в душе-то одинокой?
Темный лес, как в царстве тридевятом.
Вглубь себя направленность бинокля
Иногда пугает результатом.

Поэтессе

Особенность женской поэзии —
Миры создавать из чувств.
Пиши, как о милом грезила,
Нежнейшее из искусств
Твори неземными красками,
Подпитывай изнутри.
Чем менее ты обласкана,
Тем трепетней говори
О нежности и о горести.
Сердечных волнений школа
И есть особенность голоса,
Отличного от мужского.

Мартовские строфы

1

Попробуй, попробуй дела отложить
И силы найти для иного.
Весною особенно хочется жить,
Хоть это признание не ново.

Лишь март на пороге, лишь ветер трубит
К весенним пирам увертюру,
Пружинной разжавшейся сердце летит
Маршрутом вселенского тура.

Вот так, за весною пустившись в полет —
Внезапно, без всяческой цели,
Оно, может статься, те смыслы найдет,
Что были закрыты доселе.

2

Шершавой ладонью коснулась весна
И гладить взялась против шерсти.
Весною особенно правда ясна
О собственном несовершенстве.

Чем ярче цветет, тем больней и острее
Сознание душевной дремоты
И — в брызжущем золоте солнечных дней —
Нелепости горестной ноты.

— К чему эта горесть, зачем эта грусть? —
Волнуются вешние воды.
Ответить наверно пока не берусь,
Но внемлю укорам природы...

* * *

Скрипит расшатанная власть,
Граничит шалость с хулиганством.
Весна приходит как напасть:
С отчаянным непостоянством
Природы ветреной своей,
С лояльным к вольности подходом,
С неровным ритмом первых дней,
Еще морозных.

С новым годом

Еще знакомимся, еще
Не свыклись с ним, не раскусили
Его намерений. Расчет
Как раз на наше слабосилье
И промедление ума:
Пока пойдем, куда нам ныне,
Наступит новая зима,
И на ладони новых линий
Найдешь ты зыбкие штрихи.
Так торопись же в путь весенний!
Опережают нас стихи —
Они за ласточкою в сени
Уже впорхнули и шумят,
С печалью радость совмещают.
Возможно, что-то обещают,
Но напрямик не говорят.

* * *

Что-то движет неясное мной
По весне, что-то душу тревожит.
Из тревожности этой ночной,
Из дневного томленья, быть может,

Что-то вырастет, что-то взойдет,
Что туманно пока, безымянно.
Жжет в груди — то душа моя ждет,
Снова ждет красоты несказанной.

И от этого чище, полней.
Как же чувство мне это знакомо:
Под завесой обыденных дней —
Нарастанье блаженной истомы...

В День поэзии
(Непраздничные размышления)

Поэтам-современникам

1

Вот счастье — близиться к истоку,
Родные слышать имена.
Что жизнь без Пушкина и Блока?
Невелика ее цена.

Вот мука — сумраку и свету
Давать названия новых дней.
Что жизнь без Тютчева и Фета?
Убогой нищенки бедней.

Ловлю божественные ноты,
Вдыхаю запах дивных роз.
А нас вот так же вспомнит кто-то?
«Что жизнь без нас?» — задаст вопрос?

2

Конец времен иль безвременье,
Но бледно, чахло наше древо.
Простое самовыраженье
От Божьей дудочки напева
Уже едва мы отличаем,
И отличающих все меньше.
Себя охотно выражаем,
При этом делаясь все мельче,
Обыкновенней, незаметней, —
Таких не жаль отдать забвенью.

Им все одно — день зимний, летний,
Конец времен иль безвременье.
Ни шума радости, ни крика
Отчаянья, ни слез, ни гнева.
Все одинаково безлико
Без Божьей дудочки напева.

3

Нет нам места рядом с теми,
Кто эпоху выражал.
Победило мелкотемье,
Поостыл священный жар.

Кто мы, что мы? Мямлим вяло,
Слившись с сумеречной мглой.
В нас эпоха не попала,
Не пронзила нас стрелой.

В то же время, может статься,
Тем и выразим ее,
Что до звезд нам не подняться,
Не упасть на острие,

Как в терновнике поющий
Гениальный предок наш.
Век ползучий, мир жующий —
Вот привычный нам пейзаж.

От него и дух и поза,
И уж в этом мы тверды —
Можем лишь жевать и ползать.
Чем не времени плоды?

Несчастливая любовь

Когда любовь в душе горит,
А все взаимности не знает,
Когда бедняжку отвергают,
Ее, увы, несчастен вид.

Не замечают, не хотят
Ее прекрасного порыва.
Она вначале говорлива,
В ней соки юные шумят,

Надежда пылкая живет
На ожидаемое счастье.
Но скоро, скоро все пройдет:
Без сострадания, без участия

Она зачахнет от тоски,
Перегорит и станет тенью
Безжизненной. Хоть высоки
Ее начальные стремления,

Теперь она слаба, бледна,
С невнятной речью, тусклым взором.
Не донимай ее укором,
Едва ли в том ее вина...

Так и поэзия: сперва
Она в изгнание благородна.
Потом невзрачна, беспородна,
В своем несчастье не нова.

Сама с собою говорит,
Сама себя бранит и хвалит,
Свой век в разрухе доживает
И ртом беззубым шевелит.

* * *

Что сегодня о поэзии тужить?
Снявши голову, не плачут о прическе.
Платье сношено — на нас одни обноски,
Но и их умей с достоинством носить.

Сердцем искренним работай и болей,
Чтоб в эпохе этой, вздорной и кичливой,
Не поддаться мутно-пенному приливу,
Не пополнить племя голых королей.

О погоде

Утвердилось в природе
Тяготенье к внезапным циклонам.
Разговор о погоде
Перестал быть заставкой и фоном.

Стали метеосводки
Фронтovým репортажам подобны.
Узнаем по походке
Век наш странный, обманный, недобрый.

Замерев на пороге,
Ждем известий с тревожным вниманьем.
Понимаем в итоге:
Каждый день наш теперь — аномальный.

Что там завтра — метели?
Пробужденье вулкана? Цунами?
Мы совсем озверели,
Мы играем в чудовищной драме.

Мы участники бреда,
Мирового коллапса адепты.
В аномальные беды
Вносит каждый невольную лепту.

Мы эпохи распада
Нездоровые слабые дети,
Наглотавшийся яда
Хилый род на усталой планете.

Доводящий до дрожи,
С ног сбивает безжалостный ветер.
Будь к нам милостив, Боже,
С нас на том еще спросится свете.

* * *

Укажи нам, Господи, планету,
Для життя пригодную. Земля
Все плотнее сумраком одета:
Дышат смертью черные поля
И полны отравленные пашни
Горьких зерен зреющей беды.
Господи, как жить на свете страшно!
Знак подай с какой-нибудь звезды,
Приюти хоть где-нибудь скитальца,
Не оставь без хлеба и питья.
Пройден путь им от неандертальца
К тупиковой ветви бытия.

* * *

Нет, не спорь, эта жизнь хороша,
Просто вера твоя ослабела.
Сколько раз умирала душа,
Столько раз о бессмертии пела.

Поднималась, в движенье легка,
Наблюдая все ту же картину:
Наверху шелестят облака,
А внизу донимает рутина.

И пока нам, уныньем греша,
В этом тесном зазоре томиться,
Не забыть бы, что жизнь хороша,
Чтоб не раз еще к ней возвратиться.

* * *

О том, что в жизни все не так,
Как ожидалось изначально,
Не знает молодость — пустяк
Ей мнится сладким обещаньем.

Совсем безделица, но в ней
Залог прекрасного далека.
Еще не знает дуралей,
Как будет сердце одиноко,

Когда развеется туман
Наивных грез и обнажится
Дороги жизненной изъезжен,
С которым надо примириться.

* * *

*И послушная рифма,
Выбегая на зов, и легка, как душа,
И точна, точно цифра!*

А. Кушнер

Легко и точно, точно и легко
Писать о том, как небо высоко,
Писать о том, как счастье далеко.
По сути все об этом, все об этом.
Ты волен сомневаться, отрицать,
Ты волен колесо изобретать,
Но в воздухе, весною разогретом,
Один мотив, одна сквозная нить, —
Ее покуда нечем заменить,
Она всего причина и основа.

Беги ж за ней, пытайся уловить
Хоть краешек, чтоб воду не мутить,
Чтобы легко и точно говорить
О тяготеньке к вечному земного.

* * *

Один процент ценителей поэзии,
По Бродскому, на шарике земном.
Еще недавно жили, ждали, грезили
И втайне помышляли об ином.

Теперь не ждем — теперь со всем почтением
Уходим в тыл, точнее, в Интернет,
И там друг друга балуем прочтением,
Уже считая нормой этот бред.

* * *

Поэты читают поэтов,
А больше никто не читает.
А может, и те не поэты,
Которые в рифму слагают?

А может, и эти не очень,
Что тех проверяют на вшивость?..
Работай. Пред ясные очи
Всевышнего встань и решимость

Яви в сотворении мира,
И авторских прав не стесняйся.
Ты скромник? гуляка? задира?
Кто б ни был — откройся, признайся.

Будь искренен, честен и точен.
А что тебе с этого будет
И кто ты — поэт иль не очень,
Одно только время рассудит.

* * *

*...И тут кончается искусство,
И дышат почва и судьба.*

Б. Пастернак

Где дышат почва и судьба —
Искусство только там.
Мир беспощаден? Жизнь груба?
И сердце пополам?

Поторопись, запечатлей,
Пока кровоточит.
Правдивей, явственней, точней —
Как раненый кричит

От острой боли, как поет
В терновнике птенец,
Не зная — выживет, умрет...
Лишь с искренних сердец

Взимает небо эту дань,
Лишь тех зовет труба,
В ком фальши нет: куда ни глянь —
Все почва и судьба.

Ночью

Говорила, что не боюсь
Одиночества лап железных,
А сама вот в тревоге бьюсь
И от страха на стены лезу.

Подкрадется в ночи, как тать,
И не даст до рассвета спуску.
Все теряю — и суть и стать,
Если в доме темно и пусто.

Мысль, что так была днем ясна,
Дышит смутой, тоской, испугом.
Снова ночь провожу без сна,
Снова нервным больна недугом.

Нет, не надо руки, плеча —
Это все пустяки, оттенки.
Об одном лишь моя печаль —
Чтобы кто-то дышал за стенкой.

* * *

А. Крамскову

Жизнь у каждого своя —
Цели, хлопоты, события,
Ритмы, смыслы бытия...
Все бежишь за быстрой нитью.

Хоть из общего клубка,
А с другими непохожа.
Береги ее — тонка!
Словно жилочка под кожей,

Бьется, жалует тебя
Новым днем, желаньем новым.
Принимай ее любя,
И пока земным покровом

Укрывается душа,
За бегуньей следуй чутко.
Тяжела? Нехороша?
Но когда ее побудка

Станет слышаться слабей,
Стихнет шум в ветвях зеленых,
Ты поймешь, как много в ней
Было благ неоцененных.

* * *

Пока душа отзывчива
К волнениям земным,
В быту я неуживчива
И несовместна с ним.

Мои грехи — от самости,
Отдельности от всех.
Мои стихи, гнусавости
И суетных помех

Лишенные, влюбленные
В цветущую весну,
Веселые, зеленые,
Нейдущие ко сну,

Тревожной речью сбивчивой
Будящие в ночи,
Пока душа отзывчива,
Как звонкие ключи,

Прозрачные, принесшие
Дыхание весны,
Мои стихи — воскресшие
Из мертвой тишины.

* * *

В ситуации данной, конкретной,
В двадцать первом столетии, весной,
Что есть творчество — зов безответный?
Сумасшествие? Подвиг земной?

Вопрошаю я снова и снова,
Ибо чувствую, странен мой путь.
Одиночества требует слово
При рожденье своем, но вдохнуть

Полной грудью весеннего духа
Можно там лишь, где сердце найдет
Пониманье. Но там-то и глухо.
Утешай себя, двигай вперед

Свой трамвайчик по рельсам эпохи,
Заводи его взмахом пера!
Что-то слаб он — все ахи да охи
Вместо бодрого звона с утра.

Он катиться устал по пустыне,
И довольно, быть может, толкать...
Все же жаль, если смолкнет, остынет,
Ибо нечего больше искать

В этой жизни. Не так уж и много
Остается пройти не скорбя.
Что есть творчество? Хаос, тревога,
Муки поиска, сладость итога.
Вот и радуйся, хватит с тебя.

Обычные слова

Люблю обычные слова...

.....

Их протирают, как стекло,

И в этом наше ремесло.

Д. Самойлов

И я, пока еще жива,
Чего есть ряд примет,
Люблю обычные слова,
Которым счету нет.

Когда гнетет меня тоска,
В укор я ставлю ей
Простор родного языка:
Где ширь его полей,

Там и души моей приют,
И очага тепло.
Не знаю я, как те живут,
Кому не повезло,

Как мне, быть отпрыском сего
Могучего ствола,
Где прикорнуло Божество.
Помехи со стекла

Я оттираю без труда
И вижу вновь и вновь:
Оно прозрачно, как слюда,
И подлинно, как кровь.

Каких даров в нем только нет,
Загадок и чудес!
Оберегай его, поэт,
От вычурных словес,

От суеты и нищеты.
Нам речь дана, как мать,
И исказить ее черты —
Что Родину предать.

* * *

Пока получится хоть что-то
Из этой адовой работы,
Из этой сладостной напасти,
Из неотвязной этой страсти...
Пока отыщется хоть слово:
Из напряженного, глухого
Пути сквозь омуты и чащи
Привет от жизни настоящей
Пока послышится, мой свет,
Пройдет не день, не два — сто лет!
Сто лет, сто долгих верст пройдешь,
А слова так и не найдешь.
Бывает, знаешь ли, и так.
Где труд кипит, там есть и брак,
Там есть и горечь неудач,
Такая горькая, хоть плачь.

Любовь и надежда
(Подражание романсу)

Было время, когда окрыляла надежда,
Было время, когда согревала любовь.
А теперь, драгоценные спутницы, где ж вы?
Неужели во тьме, средь истлевших гробов?

В край далекий ушли, опочили, исчезли,
И ни ласковых крыл, ни пленительных грез
Не оставили мне. Это зло и бесчестно,
Как циничный обман, как жестокий курьез.

Как же быть мне теперь — не любя, не надеясь,
С этой жизнью оставшись один на один?
Словно осень уже и деревья разделись,
И совсем недалек холод зимних седин...

* * *

Не забывайте молодость свою!
Чтоб с жизнью не утратить связь живую,
Позицию не сдать передовую,
В студеную не кануть полынью.
Счастливую, а может, роковую,
Водившую живьем по острию,
Не забывайте молодость свою.

Что водит вас сейчас и где вы ныне?
В спокойствии? в гармонии? в унынье?
В умеренности чувств? в упадке сил?
В испуге опаленных жизнью крыл?

Измучены? истрачены?.. Как жаль,
Что с опытом приходит к нам печаль
И обрекает время на утраты.
И меркнет холодеющая сталь,
Сверкавшая под пыткой когда-то.

Под огненную пытку любви,
Под влажными припарками иллюзий...
Еще вчерашних связей ноет узел,
И шарик твой, повертываясь в лузе,
Еще свидетель битв. Но не зови
Свидетелей иных — их срок изжит.
Остыла кровь и в небо путь открыт.

Что ж, надо жить и пестовать семью,
Долги платить земному бытию,
К небесному готовиться подспудно.
Но ты, в цветах и звездах колею,
Как сорняками, будничностью нудной
Заросшую, ту, звонкую струю,
Что пела так взволнованно и чудно,
Не забывай, пройди по острию,
Вернись душою в молодость свою,
Как в отчий дом вернулся странник блудный.

И ты увидишь, твой побитый сад
Плодами жизни все еще богат,
И твой Пегас, что все еще крылат,
Вечерний совершает променад...

* * *

И эту жизнь, что уплывает будто дым,
И этот мир, принадлежащий молодым,

И этот век, не оставляющий надежд,
Плодящий циников, уродов и невежд,

И эти дни, в которых все наоборот,
И самого спектакля жизни нервный ход

Я принимаю без оглядки на сюжет,
На то, что места мне в сюжете этом нет.

Я зажигаю одинокую свечу
И вопреки всему не плачу, а шучу,

И унимаю тем души напрасный крик,
И мысли светлые лелею, как родник,

И мысли темные гоню, как вражью рать,
Чтоб новый день освобожденною встречать

И новый мир творить движением пера,
И быть царицей в нем, пока идет игра,

Пока шумит в груди высокая волна,
Пока мне верится, что ею я сильна...

* * *

От безнадежности, наверное,
От невозможности делиться
Строкою, мыслью сокровенною,
Не замыкаться, не таиться,
Не подчиняться общим правилам
И хоть одной живой душою
Хоть раз быть понятою правильно,
Не быть хоть где-нибудь чужою...
От тупика, от невозможности
Хоть толики такого счастья
Я привыкаю к осторожности,
Я призываю разум к власти
Над чувствами, которых множество,
Которых все еще довольно,
Чтоб жизни чувствовать убожество,
Страдать и плакать, если больно.
Но тише! Сдержанней! Пожалуйста,
Умолкни, сердце! Боль скрывая,
Не жди ни нежности, ни жалости,
Живи, себя не называя.
В тени укрывшись, ставши небылью,
Покинув пир, как гость незванный...
Как будто нет тебя и не было
В эпохе этой окаянной.

* * *

Смирись, эпоха чувств прошла.
Кому сегодня интересны
Твои сердечные дела?
Поэт и прежде неуместный

Был гость в собрании людском,
Но все же чувствовал участие...
Смирись, утешь себя стихом.
У века в ненасытной пасти

Зубов немало, чтоб тебя
Перемолоть без сожаленья.
Но все же, ближнего любя,
Живи. Пусть небылью, пусть тенью,

Но в сердце злобы не тая
На окружающие нравы,
Чтоб звука чистая струя
В себя не приняла отравы.

В своей нише

1

Печаль? Подавленность?
Причина их проста:
Гнетет меня сегодня не безвестность,
А отведенной ниши теснота
И вся ее невзрачная окрестность.

Поэзия, ты загнана в нору,
Ты сослана на остров удаленный
И там сама с собой ведешь игру.
Как пыль в глаза, твой неопределенный,

Невнятный слог. Размытые черты
Скорей обескуражат, но не тронут.
Ну что ж, тебе и место там, где ты,
Безжизненный и топкий этот омут

И есть твой дом. Но, скептик, не суди,
Обидна нам твоя высокомерность.
Ты сам в подобной «нише» посиди,
А уж потом бубни про современность,

Про новый стиль и новые пути...
Какие там пути у оборванки,
У нищенки, у жалкой самозванки...
Но ты ее, убогую, прости.

Она, того не ведая сама,
Утратила небесную опеку.
В ней больше нет божественного млека,
Ее удел — норы глухая тьма.

*

Что может горше быть,
Что есть больней,
Чем этот путь? Но боли и тревоги
Мы спрячем от верхушки до корней
Под толстым слоем
Новых технологий.

Мы скажем: так и должно, так и быть,
Иному кораблю — иное море.
И поплывем, и горе нам не горе.
Прогресс идет, его не отменить:

Без языка ты можешь говорить,
Летать без крыльев и без сердца жить;
В картонном небе глянцевые зори
Встречать и потихонечку забыть
О настоящем, дышащем просторе,
О певчих птицах, звонких голосах,
Сердечных чувствах, прочих чудесах...

Забудем все. Час скорби на часах
О всем живом... о том, что в этом вздоре
Нам жить еще, возделывать свой сад,
Дописывать сюжет своих историй...

Где жить — неважно. Всюду пустота,
 Для слова нынче нет родного дома.
 Так почему б не здесь, где жизнь проста
 Уж тем одним, что с детства мне знакома?

Не надо гостьей быть в чужом дворе
 И мастерить гнездо под новой крышей.
 Ведь все равно окажешься в норе.
 Ее архитектурный термин «ниша»,

Конечно, мил: под стеночкой стоишь,
 А кто-то злой, разнузданный и дикий
 Тебе под нос подсовывает шиш.
 И в самом деле, где он, твой великий,

Превозносимый классиком язык?
 Теперь ему ни славы, ни почета,
 Лишь теснота и узость. Не привык?
 Так привыкай, такая нынче квота!

Рожденных в нише карликов-стихов
 Настал черед, и нечего прибавить.
 И все едино, если мир таков
 И не под силу нам его исправить.

* * *

Каждый день — это плач по угасшей мечте,
По наивной, счастливой ее чистоте.
Каждый день — это поиск небесных гармоний.
Сколько звуков вокруг, но, увы, все не те...

Каждый день — это сад: то в весеннем цвѣту,
То в осеннем упадке, в предзимье унылом.
Каждый день — это шаг: в пустоту? в высоту?
Как сумеешь пройти, что придется по силам...

Каждый день — это пища душе и уму,
Чтобы виделось дальше и думалось шире.
Чтоб однажды понять, сидя в тесной квартире:
Каждый день — это весть об изменчивом мире
И твоём краткосрочном визите к нему.

* * *

Ни богов, ни героев, и нравственный погран закон,
И беззвездное небо, как плаха, чернеет над нами.
Собираю себя, унимаю отчаянный стон
И стараюсь быть стойком в этой нервической драме.

И пытаюсь стоять, хоть дрожит под ногами земля,
И собою владеть, хоть от упряжи жесткой слабею.
Отсекая концы, каждый день начинаю с нуля,
Только прах пережитого с ног отряхнуть не умею.

Вот и ноет душа, вот и места себе не найдет,
В стоицизме своем, как в убежище, спрятаться хочет.
Но тоска иссушает, но страх до костей достает,
Но зловещая мгла над моим слабосильем хохочет...

* * *

Синдром повышенной тревожности,
спокойной жизни невозможности:
что ни вопрос — то суперблиц,
тревожный лет полночных птиц,
мертвящий холод безнадежности...
Молю, чтоб зыбкий сон с ресниц
не улетал, не оставляя
меня с пугающею явью.
Но за окном завыл сигнал,
провозглашая равноправье
людей с машинами, причем,
с преобладанием последних.
Небесный купол рассечен
на части: та, что в тучах, бреднях,
она как будто бы всегда
крупней и явственней соседних...
Не угасай, моя звезда!
Жизнь подо мною как вода:
без берегов, в открытом море,
плыву неведомо куда,
сама с собою в разговоре.

* * *

Заветные слова

«помилуй и прости» —

как первых христиан

чудесные пути.

Пока по ним идешь,

ты пьешь из чаши полной

и Господом храним.

Ты только это помни.

Ты только не забудь

их образ и значенье,

надежды не оставь

на милость и прощенье.

Пусть нет иных надежд,

пусть жизнь темна и вздорна,

а швы ее одежд

вульгарны и топорны, —

не уставай идти,

с любого расстоянья

«помилуй и прости»

шепча как заклинанье.

* * *

Вчера нездоровье давило и мяло,
Прильнув к изголовью, вздохнуть не давало.
Прошедшие дни каруселью кружились,
Потом попрощались, во тьму удалились,

И к вечеру ближе какие-то птицы,
Которым пока я не знаю названья,
Туда унесли, где живут небывицы,
Безмолвные тени, седые преданья.

Всю ночь я блуждала по роцам и чащам
Недужных, тревожных своих сновидений.
Наутро себя причисляла к пропащим:
Без всяческих в сердце надежд, побуждений,

Лишь нуждам житейским, как раб, повинуюсь,
По комнате шла, как по жердочке зыбкой.
А жизнь обступала, шумя и волнуясь,
Текла, продолжалась, казалась ошибкой,

Привычным вопросом «как жить?» донимала,
Томила и мучила жалом сомненья
И в вечной своей правоте убеждала.
И думалось мне: это к выздоровленью...

* * *

Я живу в этом городе тысячу лет.
Столько в нем пережито, что кажется мне,
Я из глуби веков появилась на свет,
В високосном году, на ущербной луне.

Столько понято здесь, на родном берегу,
Чья светла тишина, чья смешна суета,
Что уже я пред ним в неоплатном долгу,
Как прозревший слепец — перед Гробом Христа.

Сокровенные смыслы, что были темны
До поры, до заветного срока в судьбе,
До того, как подняться от чувства вины
Перед Богом до слышанья Бога в себе,

Стали явственны здесь, где веселье и гам,
И портовый разгул, и фартовый прикид.
Эту явственность их ни за что не отдам.
Через тысячу весен какой-нибудь гид,

Проходя меж руин, что остались от нас,
Скажет новым туристам, при новых царях:
Здесь был город такой — словно солнечный глаз,
Он сквозь толщи глядел. Весельчак, вертопрах,

Озорник, остролов, он умел проникать
Невзначай, налегке — за незримый рубеж.
Он осмелился жить и поэтов рождать
В час, когда все валилось в бездонную брешь...

Да, прольется когда-нибудь истины свет
На места, что сегодня полны суеты.
Я живу в этом городе тысячу лет,
Мне виднее его неземные черты.

* * *

Хотя бы мне, твержу упрямо,
При жизни краткой или длинной
Не стать литературной дамой
С глубокомысленною миной.

Не впасть в заботы о культуре,
В тумане скучных рассуждений
Скрывая дух, не знавший бури,
Живя без взлетов и падений;

В притворной благодати салонной
Шурша засушенной розой,
Блистая выкладкой шаблонной
В ответ на жгучие вопросы;

Души бескрылую надменность
Прикрыв изяществом гламурным...
Увы, пардон за откровенность,
Немало в обществе *культурном*

Подобных «роз» — без аромата,
Без выражения, без страсти.
Но ты, душа моя, крылата,
Ты знаешь творческое счастье!

В плену созвучий вдохновенных,
Минуя домыслы и сплетни,
Движений томных и степенных
Бежишь как пошлости последней.

Веди, Господь, льстеца и слизня
Дорогой, лаврами увитой,
Но мне не дай на склоне жизни
Стать литераторшей маститой.

* * *

Я становлюсь совсем провинциалкой:
Пугают расстоянья, рев машин,
И «в люди» выхожу как из-под палки,
Да ведь и то по праздникам большим.

Потребность отдавать еще таится
В моей душе, но знаю — не возьмут.
И все сильнее потребность затвориться
И в тишине душевный неуют

Лечить самой — то птичьим разговором,
Меня будящим рано поутру,
То книжных строк, то волн морских простором,
То музыки пронзительным минором.
Но больше все ж привычкою к перу

И твердости стола неколебимой
Под локтем, и поднявшимся стеной
Сознанием того, что я любима
И примет Он все отданное мной.

* * *

Остаться в провинции — значит
Замкнуть себя в узком мирке,
Где кумушки бойко судачат,
Где люди живут налегке,

В каком-то расслабленном ритме,
И в нем же творится строка:
По-разному — в прозе и в рифму,
Но строго в пределах мирка.

Уехать отсюда в столицу
Равняется нынче тому,
Что канет небесная птица
В глухую подземную тьму.

В нее упадет безвозвратно
И, липкою пылью дыша,
Забудет о том, вероятно,
Как искренне пела душа.

Какую б ни выбрал дорогу,
Непросто остаться собой.
Одной лишь — ведущею к Богу —
Оправдан твой выбор любой.

* * *

В этом городе не объяснишь никому,
Как бывает порою горько,
Как соблазн донимает шагнуть во тьму,
Разбежавшись, скатиться с горки

В снег глубокий, где жизнь не оставит след,
Не коснется души усталой.
В этом городе солнечный брызжет свет,
И улыбка с его устами

Неразлучна. И сердцу невоготу
В миг отчаянья, в пик бессилья
Видеть сладостный этот, в земном цвету,
Мир покоя и изобилья.

Неприятные заметки

...Говорим и вяло и темно.

Д. Самойлов

1

Старшее поколение уходит помалу,
Среднее еще как-то владеет словом.
Младшее — хуже. Темно и вяло
Мысль выражает, к теченьям новым,

Как племя новое, тяготеет.
Все объяснимо здесь, все природно.
Ада и бреда блуждают тени,
Бредить, темнить — это нынче модно.

Новый язык: он похож на русский,
Но неуклюж, некрасив, невнятен.
Рифма одна тут просится — «узкий».
И продолжается — «неприятен».

2

А Хлебников? А Маяковский?
А морок и яд Декаданса?
Все было — и «сложный» Тарковский,
И Беллы пространные стансы.
И «люди как аэродромы»,
Как гром, над трибуной гремело,
И Бродский, отчалив от дома,
Писал непривычно и смело.

Все было — и пробы, и рвенья,
И спорные эксперименты.
Но в них еще пыл вдохновенья
Присутствовал, сложность момента
Еще осмыслялась, болело
Еще и небесного света
Исполнено было, и пело
Крылатое сердце поэта.

Признание

1

Нет, не смогу по суперновому,
Постмодерновому пути,
Порвав решительно с основами,
Вперед стремительно идти.

Нет, не получится без нежности
К гробам отеческим, без той
Тоски, тревожности, мятежности,
Без восхищенья красотой,

Без огорчения, мучения
И выраженья их в строке
Словами, полными значения,
Без обретенья в языке

Своей души, судьбы и имени.
Путей иных мне в жизни нет,
Поскольку я такую именно
Всевышним явлена на свет.

2

Отвлеченности, галактичности,
эпатажности, эксцентричности
лишена моя муза — запросто,
напрямую ведет рассказ.
Не пускается в околичности,
не скрывается в темных зарослях,
не ломается напоказ.
За эффектами не охотится —
ведь совсем об ином заботится.
Погостит и домой воротится,
и останется пара фраз
от ее щедрот,
от ее хлопот:
словно чистый ключ
из-под сердца бьет.

Собеседники

Так сложилось, мой путь одинок,
И противиться этому глупо.
В собеседниках — Пушкин и Блок:
Это встречи, которым разлука
Не грозит, это тот разговор,
Что наполнит мне душу до края,
Без труда окружающий вздор
Обратит в драгоценнейший сор,
Чтобы стих, из него вырастая,
Оглянулся прошедшему вслед,
Благодарно кому-то кивая.
Не ахматовский ли силуэт?
Не ее ли крылатая стая?

Ну а если печаль налетит,
Закачает на досточке зыбкой,
Доктор Чехов меня навестит
И в который уж раз исцелит
Понимающей мудрой улыбкой.
Рядом слышен знакомый смешок,
Обаятельный и мелодичный.
Это Тэффи в изящный рожок
Выдувает мотив ироничный.

Ну куда мне без них, ну зачем?
В современности скудной, хоть тресни,
Собеседников нет интересней.
В осмысленье насущных проблем

Нет подспорья верней. Потому
Одиночество — термин условный.
Много ль надо? Лишь книгу возьму —
И опять разговор полюбивный
Потечет, унесет как река.
О, мои визави дорогие!
С вами ноша земная легка,
С вами чище и выше строка.
Для чего мне, скажите, другие?

На ветру

Увы, то не в роще поют соловьи,
Не реки проснулись весной.
То бает Россия про беды свои,
То времени ветер сквозной

Заходится в щелях. Горчит неуют,
Дух попран, озлобен и нищ.
Долой олигархов, кавказцам капут,
Гламур опостылел, как прыщ...

Обыден мотив, незатейлив рефрен
Сегодняшних песен ее.
И нынче, и вечно все ждет перемен,
Ругает жите и ворье,

Хрипит на ветру, как больное дитя,
Под мутною тонет волной
И, новый свой облик поспешно крестя,
Надорванной ноет струной.

Но мы принимаем ее и такой —
Все те, кто вблизи и вдали
Измучились общею с нею тоской
И русскую речь сберегли.

Но мы уповаем на милость судьбы,
Всем миром держась на краю,
С единой молитвой, как Божьи рабы,
За грешную душу свою.

* * *

Остроту изломов,
черноту изъязнов,
внешность,
меняющуюся не в лучшую сторону,
в голове прижившихся
«тараканов»,
на погосте дальнем
круженье ворона,

жизнь всю,
от величья до самой малости,
сердца одиночество,
муки творчества
с некоторою горечью
и усталостью,
но смиренно в целом,
без богоборчества,

принимаю,
радуюсь дню текущему,
не прошу куска себе
слаще данного,
но прошу терпенья и сил
идущему
и сопровожденья ему
органичного,

и прикосновенья к нему
щадящего,
ибо вся душа его —
рана рваная:
обо всем болящая,
настоящая,
в небесах парящая,
в мир не званная.

* * *

Не славы,
не глянцевою скользкой эмали,
тех плотно покрывшей,
кто в звездах и лаврах,
не патоки льстивой,
а чтобы читали
обычные люди...
Не в медных литаврах

души утешенье,
не в блеске парада,
а в отклике тихом:
раздавшись однажды,
подарит на миг
ощущенье прохлады,
хоть в целом, уввы,
не избавит от жажды.

* * *

Пишу потому, что не знаю другого
способа выразить то, что ново, —
пусть не для вас, для меня лишь.
К тому ж никогда не знаешь,
что в ком аукнется, как откликнется...
Похоже, душа никогда не свыкнется
с разного рода непоправимостью,
с собственной слабостью и ранимостью.
Пишу, потому что с меня довольно,
мне надо высказать то, что больно,
и лучше способа нет на свете,
хоть не нуждается свет в поэте.

Два посвящения

Евгению Бильченко

1

Волчонок беззащитный мается
Душой надломленною. (Ох уж
Мне эти нежности!) Ломается
Строка, и яростно, наотмашь,
Враз обнажив все червоточины,
Все язвы времени гнилого,
Внезапно, хлестко, как пощечина,
Бьет в сердце ранящее слово.

2

Хохоча, напоказ выставляя изъяны,
Зависая над бездной в смертельном пике,
Этот век выражается грубо и бранно,
На кичовом, холщовом своем языке.

Вниз летит, управленье теряя помалу,
Слово за слово тьмою становится свет.
Этот век изъясняется мутно и вяло,
Неосознанной речью, похожей на бред.

Но и в мутном бреду, и в крикливом раздрае
Вырастает один, словно пламя горяч:
Не похожий совсем на безликую стаю,
Протрубивший навзрыд голосистый трубач.

Колокольня счастья

Памяти Алексея Балабанова

Я хочу вам сказать о чуде
В меру сил своих и таланта.
Ищут счастья русские люди:
Алкоголики, музыканты,

Криминальные элементы,
Проститутки, пенсионеры.
Ищут, ставят эксперименты,
Проверяют на прочность веру.

Кто-то скажет: мол, заигралось,
Обпилось, мол, шальное племя,
Вот и счастье их затерялось,
И не место им рядом с теми,

Кто степенно идет по жизни,
С пониманьем и рассужденьем.
Только в странной моей отчизне
Не поймет ни черта он, зреньем

Стопроцентным своим не словит
Кайф души ее окаянной.
Никаких нет к тому условий,
Чтобы цели достичь желанной.

Ну какое в России счастье?
Что ни ищущий — то покойник.
Но такой обладает властью
Та чудесная колокольня,

Что идут и идут, бродяги,
Все на свете отдать готовы
За мечту о всеобщем благе,
За рассвет бытия иного.

Пути воображения (Северный триптих)

1

...И вновь ко мне вернулся Петербург:
Виденьем белой ночи соблазняя,
Предстал, как отрешенный демиург,
В многоголосье солнечного мая.

И в этой отрешенности его,
В холодном взоре, поступи неспешной
И всюду, всюду вижу естество
Натуры исключительной и грешной.

Никто такую планку не возьмет,
Как тот, кто вхож в златые эти кущи.
Никто так беспробудно не запьет,
Как на болотах гибельных живущий.

2

И вот уже я в парке Монрепо:
Пропитанная влагою озерной,
Земля сыра. Сюжет Эдгара По
Здесь мог бы разыграться, но бесспорно,

Он был бы позитивнее, чем тот,
Известный нам: здесь выборгские стены —
Мятущегося странника оплот,
Стиха не иссякающая тема...

Спустилась ночь, пора ложиться спать.
Зачем я снова здесь? Сама не знаю.
Но мысль упряма — мчит меня опять
В тот край души, где северная стая

Крылами бьет, тревожится, кричит
О русскости своей неистребимой,
О родине неласковой, любимой,
Которая и боль моя и щит.

3

Но возвращаюсь в Павловск. Мандельштам
Здесь рос. Как не писать он мог при этом?
Как мог бы он не сделаться поэтом,
Когда к таким приближен был местам?

Войду и я под царственную сень —
Воображенье в этом мне поможет,
И милый призрак душу растревожит,
И будет мой трудами славен день.

И озарится духом ремесло —
Оттуда он, из Павловского леса!
Затем отправлюсь в Царское Село —
И поминай, как звать меня, Одесса!

Гитарист

Памяти Петра Тодоровского

По главной улице пойду
Под перебор гитарный
И гитариста там найду:
Совсем не элитарный,
Совсем какой-то он родной,
Уютный и открытый,
И говорит о том со мной,
Что сердцем пережито.
Он словно мой старинный друг —
Ребячливый, беспечный.
Он озаряет все вокруг
Улыбкою сердечной.
Своей лучистой, золотой,
Войною опаленной...
Его мотив с моей мечтой
Так схож, душе влюбленной

Так эта музыка близка,
Так проникает в поры,
Что ей в ответ летит строка,
И нету разговора
Душевней, трепетней, нежней.
С иронией печальной
Он машет мне: среди огней
Его огонь — прощальный...
И лишь гитара вновь и вновь
Поет, не унывая,
И не кончается любовь
Военно-полевая.

* * *

От прощанья до прощанья
Все короче интервал.
Что ж, никто нам не давал
Вечной жизни обещанье.

И приходится принять
Эту боль и без возврата
Путь привычный продолжать
От утраты до утраты.

И не верится, пока
В сердце пыл еще искрится,
Что и ты уйдешь в века,
Что и твой не повторится

Краткий, сладкий миг земной.
И прощания минута
С уходящим в мир иной —
Репетиция как будто...

* * *

Стих обжигает, как кипяток,
Жаркой своей волною
К горлу подходит. Ревнив, жесток,
Властвует надо мною
Так безраздельно, что для меня
Нет ничего дороже
Этого рабства. Поток огня —
Сладостный ток под кожей,
Слух обостряющее вино,
В мир распахнувшееся окно,
За каждый дом тревога...
Кончишь, остынешь — и все равно,
Только б поспать немного.

* * *

...И моя порвалась строка.
До последнего все держалась,
умоляла: не рви, не режь!

Но такая в душе тоска,
но такая на сердце жалость,
но такая в пространстве брешь,

что алеет, глубок и свеж,
рваный след:
для пространства — малость,
для меня — огневой рубеж.

Я сама

1

Я привыкла к тому,
что сама себе слушатель, критик,
утешитель, ругатель,
создатель планет и миров,
их герой импульсивный
и трезвый, как врач, аналитик,
мелких бесов гонитель,
защитник священных коров.

Я привыкла к такому раскладу,
к мученьям, броженьям,
к исключеньям из правил,
к тому, что нельзя исключить,
к незадачам, отдачам,
внезапно пришедшим решеньям,
к прегрешеньям своим,
без которых, увы, не прожить.

Я привыкла к свободному ритму,
пространству, полету.
Чем живу и дышу, и пишу —
все во мне, все со мной.
Лишь тепла не хватает порой,
лишь душевной заботы
и доверчивой ноты
негромкой беседы ночной...

2

Говорю сама с собою,
обговариваю планы:
как писать, как жить, с судьбою
как поладить. Это странно,
понимаю, и кому-то
показалось бы недугом.
И случается минута,
так охота с милым другом
сокровенным поделиться,
разрешить вопрос тревожный.
Но прошла пора томиться,
ждать того, что невозможно.
Жизнь не ждет — дает задания
и не терпит промедленья.
Что ей вздохи ожиданья
и душевные томленья?
Надо жить в согласье с нею,
дав ответ страстям и негам:
самого себя вернее
нет советчика под небом.

Поклонник

Начитался моих стихов и решил,
Что мы движемся по пересеченным линиям.
То ли глуп, то ль совсем еще не грешил
Ни горением, ни унынием.

Не срывался в ту пропасть, откуда я,
Выбиралась с трудом нередко.
Начитался и думает, что своя,
Как подружка или соседка.

Впрочем, все ж начитался. Благодарю,
Что хоть кто-то, хоть как-то. Детали
Несущественны. Значит, еще горю,
Говорю про иные дали

Не напрасно, значит. Пусть даже он,
Этот мальчик, простак, что живет и дышит
В измеренье ином, пусть совсем не слышит
Он меня — за вниманье ему поклон.

Тема

Время пыл во мне остужает,
время мглой меня окружает:
все теснее круг, все темней.

Не сдаваться, идти, штурвала
не бросать, хоть душа устала
и не видно вдали огней.

Это тема моя и в ней,
как и в жизни ночей и дней,
поворотов еще немало...

В раю

*Под сению дерев благоуханной
Блаженствовал незлобный человек.
А. Фет*

*Здесь какой-то особенный вкус —
Степь и море сошлись воедино...*

Не взволнует меня,
не взволнует уже ничего,
кроме разве что майского,
райского великолепия.
Я писала уже,
в этом городе море со степью
образуют союз,
за которым стоит Божество.

Закрепило навек,
освятило небесным перстом
этот эксперимент —
единенье начал несовместных,
над затеей своей
улыбаясь невидимым ртом,
отмечая на вечных часах
это время и место.

И не то чтобы блеск
небывалых каких-то красот,
и не древности след,
затерявшийся в эрах минувших, —
здесь иное пленяет,
иными путями ведет
дух, создавший все это.
В днях детства,
как сон, промелькнувших,

вы такую же легкость найдете,
и больше нигде,
как в движениях здешних,
улыбках, кивках, поворотах.
Никакого насилья, вражды,
пребыванья в узде, —
только вольные ветры
да нежности южной природы.

Только это. Ни шумного бала
кипящих столиц,
ни манящих огней,
ни больших перспектив, очевидно.
Только место в раю
и беспечное треньканье птиц,
и как фирменный знак —
незлобивость улыбчивых лиц, —
вот, пожалуй, и все, чем богаты,
и нам не обидно.

Стихи о робости

*Гордость и робость —
родные сестры...*

М. Цветаева

Я человек не смелый,
скорее робкий.
Память свою не могу я назвать
короткой:
помню, как в жизнь вступала,
глаза зажмурия:
с вышки — да прямо в волны,
в шторма и бури.
Робости в этом было
девять десятых,
только одна — от прочих,
от вместе взятых
гордости и достоинства —
мол, не хуже
тех я, кто лбом пониже,
умом поуже;
мол, боевых и смелых
буду смелее...
Так и живу я,
втайне от всех болея
робостью тайной, —
мучась, преодолая,
даже порой в этом
преуспеваю.

Но преуспев
и выпрямив спину гордо,
и научившись даже
походке твердой,
слышала я не раз
и сегодня слышу:
робость моя затаилась,
как кот на крыше.
Спрыгнет вот-вот,
царапнет коготком по сердцу,
чтоб не забыла
тесного с ней соседства,
чтоб не гордилась больно
своей победой —
Пирровой, видно!
Греясь под лаской плеча,
чтоб вспоминала
робкую ту гордячку,
гордость которой —
омут, озноб, горячка,
робость которой —
ярость загнанных тигров.
Ту, неслучайно давшую мне
эпиграф.

С историей и без

Раньше был поэт с историей,
Шел этапами пути.
Раньше путь был непроторенный —
Не проехать, не пройти,
Если ты не по наитию,
Не по Божьему персту.
Раньше был поэт с развитием,
С устремленьем в высоту.

Было — сплыло. Про дистанции
Ты про длинные забудь.
До ближайшей бы до станции,
Запыхавшись, дотянуть.
Что там высшие материи —
В низших кругом голова.
Измощенные потерями,
Музы ползают едва.

* * *

Фестивалей, конкурсов —
что питейных точек:
на каждом углу,
с расстоянием в полшага.
С деловитой скоростью
вереницы строчек
летят за наградами,
терпит бумага.

Лонг-листы, шорт-листы;
тусуются, рядят, судят.
А пушкинской простоты
уже никогда не будет.

* * *

Прочувствовать время —
и фронт его действий и тыл.
О, сколько для этого надобно
нервов и сил!

И трепета в сердце
(честней, если кровь горяча),
и трезвости в мыслях
(точней, кто не рубит сплеча).

И зоркого зренья,
и мужества, чтобы взглянуть
туда, где под толщей житейской
скрывается суть.

И много чего еще нужно,
вот только боюсь,
не выдержу: к точкам его болевым
прикоснусь,

за нерв оголенный схвачусь,
не пройду стороной...
А впрочем, все это
уже совершилось со мной.

* * *

Эта жизнь убивает докучным своим повседневно:
Встречи, связи, долги, пустяки, дураки, разговоры.
Им не видно конца; ты в отчаянье, в ступоре, в гневе,
Ты теряешь себя под лавиной житейского вздора,

Робинзону завидуешь завистью острой и жгучей.
День сулит повторенье, мученье, хождение по кругу.
Ты устал, ты ослаб, шаг-другой — и забьешься в падучей.
Но представь Робинзона — в пустыне, без дома, без друга...

* * *

О, если бы ни быта, ни долгов,
Ни всяческих забот сиюминутных,
Какое было б счастье для стихов!
Конечно же, тогда не в водах мутных
Обыденности зрели бы они,
А в чистоте блаженного Эдема,
Где вечный май и ласковые дни,
И никакой житейской трескотни,
И лишь одна насущная проблема —
Как не вкусить запретного плода
Влекущую, волнующую мякоть
И снова не отправиться туда,
Где предстоит тревожиться и плакать,
И об эдемских кущах тосковать,
И из тоски из этой то и дело,
Покуда жжет, строку свою ковать,
Чтоб как звезда в земной ночи горела.

* * *

Ни с кем не надо сравнивать меня:
Удачное замужество, карьера,
Успех и статус, хватка и броня, —
Других сюжетов суть. Ряды партера

В театре жизни заняты не мной.
Шумит балкон, и даже на галерке
Ажиотаж. Таков уж он, земной
Безумный мир. Его крутые горки

Вздымаются, гудят на виражах,
Влекут кипучей ярмаркой тщеславья.
Я в отдаленье. Надо мной кружат
Шмели и птицы, пахнет разнотравье,

Душистым медом обещаю стать,
Как чувства обещают стать стихами.
Не сравнивай, не тщишь во мне узнать
Играющего в ярмарочной драме.

* * *

Судеб так тесно запутан узел,
Что не распутать ничьим рукам.
А люди-дети хотят иллюзий
И снисхожденья к своим грехам.

Земные нити гудят и стонут
Под напряженьем в сто тысяч ватт.
А люди-дети в соблазнах тонут,
За процветанье приняв распад.

Летит планета в глухую бездну,
Еще не поздно остановить!
Но люди — дети, их кнут железный
Один и может угомонить.

* * *

Ну скажите на милость, кто виноват?
Ведь не Богом же мир этот так устроен,
Что за истину вставший всегда распят,
А предатель и лжец наречен героем.

Ведь не Бог же, а мы, вопреки Ему,
За лукавым следуя в ослепленье,
Выбираем сами не свет, а тьму,
А Его обвиняем в своем паденье.

* * *

Нет, не знал ослепительный классик
Нашей страшной, глухой нищеты.
Словно кто-то недобрый нас сглазил,
Подло сжег золотые мосты

Меж великим и малым. И как нам
До великого нынче достать?
Зло хохочет пиковая карта,
Расчлененная Родина-мать

Опочила под залп либеральный,
И, воспитанник *прав и свобод*,
Беззастенчивый, наглый, скандальный,
Ей на смену явился урод.

Нечто Родину нам заменило —
Зверь? чудовище? гость с НЛО?
Осмотрелось, детей народило,
В душах бредом своим проросло.

Обобрало несчастных до нитки
И на лбы наложило печать
Родового ущерба, убытка.
Кто же станет его возмещать?

И когда, и в какие же сроки
Нищету одолеем теперь?
Милый классик, забыты уроки,
Что давал ты когда-то. Потерь

И убытков нас давит лавина,
Нарастает чудовищный ком.
Может, только одна сердцевина,
Что с твоим неразрывна стихом,

Устоит — для грядущего рода.
Может, тех, чьи неясны черты,
Встретит радостный кто-то у входа,
И поднимет из праха мосты.

* * *

Мы живем, под собою не чуя страны...

О. Мандельштам

Этот мир, он все больше и больше похож на войну,
Он опасней войны, потому что угроза повсюду.
Враг коварен и лжив — сгубит душу, развалит страну,
Улыбаясь при этом подлейшей улыбкой иуды.

Мы живем, под собою не чуя уже ничего,
До последних пределов размыты, изжиты основы.
Не поможет нам чудо уже, не спасет божество.
Лишь одно и останется — то, изначальное Слово.

Слово

Слово наполнить до края, чтоб стало похоже
на драгоценный сосуд с ароматным напитком,
чтоб насыщал аромат, проникая сквозь кожу,
и поднимал над землей: над житейским убытком,
над повседневным ущербом, изъяном, изломом.
Чтобы глоток за глотком все свободней и выше
тот становился, кто пьет, и в небесное лоно
вновь возвращался,
божественный промысел слыша.

Слово наполнить собою до самого верха,
ни уголка не оставить пустого, глухого,
чтобы дышало судьбою, чтоб каждая вежа,
каждый отрезок озвучены были. Иного
нету пути, если дар твой небесный, словесный,
если несешь его, словно сосуд драгоценный
с дивным напитком,
где каждый глоток — полновесный,
каждая капля поет о душе вдохновенной.

По утрам

1

По утрам развозят молоко,
Продают под окнами картошку.
По дворам весна идет легко
И на солнце щурится немножко.

Жизнь-весна, не щурься, погляди
Широко открытыми глазами,
Как шумит и пенится в груди
Целый мир — с морями и лесами,

Голосами неба и земли,
Чудесами всякими.

Гляди же,
Проплывают строчки-корабли,
Подплывают к берегу все ближе.

Вот она, флотилия моя!
Снова в путь!
Обхватывая крепко,
Жизнь-река к истокам бытия
По утрам несет меня, как щепку.

2

Рабочее утро нагринуло снова.
Работай, работай, ищи свое слово,

Пряди свою пряжу, гони свою клячу.
Уже все равно ты не сможешь иначе,

Уже неразлучен ты с нитью прядильной,
Хоть полон отчаянья бок ее тыльный.

Темна, неприглядна, корява изнанка,
Но тянет магнитом высокая планка,

Но выше еще дотянуться охота.
Сияет, терзает не взятая нота,

Себе подчиняет все мысли и ритмы.
Вся жизнь для нее лишь, для маленькой рифмы.

Работа, забота до изнеможенья —
Для крохотной точки в конце предложения.

21 грамм

Сыну Саше

О, сколько дорог ты пройдешь, пока
Не станет ясна тебе
Планида твоя. Тяжела? Легка?
Закушенной в кровь губе

И уху, уставшему слышать фальшь,
И сердцу в тугих рубцах
Известен ответ. Время мелет фарш:
На острых его резцах

Следы наших рвений, надежд и грез.
А что ж остается нам?
Забот и волнений житейский воз
Плюс двадцать один тот грамм,

Что весит душа — доказал бомонд
Научный, есть точный вес!
В скупых этих граммах — бессмертья фонд
И всяких других чудес.

О славных победах своих трубя,
Пригревшись в земном миру,
Запомни, важнее та часть тебя,
Что весом равна перу.

Всех зримых свершений она ценней,
Но сколько еще пройдешь,
Пока наконец обратишься к ней
И ценность ее поймешь.

Опыт

В этой жизни умирать не ново...

С. Есенин

Если опять нависнет
Туча — темнее нету,
Если слезами брызнет
И заслонит полсвета,

Я уж поспорю с нею —
Мол, не таких видала!
Много уже умею,
Битой не раз бывала.

С темной якшаться силой
Тошно мне, несподручно.
Биться об стену? Было!
А повторяться — скучно.

Истин на дне стакана
Тоже искать не стоит.
Сколько таких искало!
Их провожали стоя

И причитали: рано!
Бог забирает лучших...
А в глубине стакана,
Сыт и благополучен,

Черт потирал ладони
И собирал добычу.
Сколько в его полоне
Пало крылатой дичи!

Нет, не по мне картина.
Может, размах скромнее?
Может, взяла рутина
Нежную ту камео,

Что трепетала пылко,
С грубою жизнью билась...
Опыт сложив в копилку,
Соки отдав, смирилась

И на любую тучу
Смотрит невозмутимо.
Видя с небесной кручи
Кольца земного дыма,

Думать спешит о деле,
Чтоб не стряслась утечка,
Если собой заденет
Горькое то колечко.

Если, в пределах жанра,
Горло обхватит снова,
То и убьет, пожалуй,
А умирать — не ново.

* * *

Живи настоящим, себе говорю,
Живи настоящим.
Июнь за окошком, а ты к декабрю
По склонам и чащам

Тревог и предвидений — ложных, поди! —
Бежишь, спотыкаясь.
Живи настоящим, вперед не гляди,
Туманны покамест

Вдали очертанья. Что будет, тому
Срок сбыгься настанет.
Заглядывать в эту беззвездную тьму
Что толку? Состарит

Пустое смотренье и душу и плоть,
Вконец изматает
Напрасная дума. Один лишь Господь
Грядущее знает.

Себя не накручивай, чтобы не стать
При жизни пропащим.
Чтоб волю Его не колеблясь принять,
Живи настоящим.

* * *

Дай мне, Бог, такую ссуду,
(Я просить не стану впредь!)
Чтоб не сделаться занудой,
Мыслью не отяжелеть.

Не спуститься с круч высоких
В пыль рутины, в дым и мрак,
Что высасывают соки
Без причины, просто так.

Еле слышимый вначале,
Нарастает скучный шум
Поучений, замечаний,
Рассуждений. Это ум,

Погрузневший, заскоружный,
(А ведь легок был и скор!)
Не сумел годам и грузам
Дать решительный отпор.

Прыть былая захирела,
Глубина сошла на мель...
Как тупеют быстро стрелы,
Что вонзались точно в цель!

Так прошу Тебя, мой Боже,
Чтоб все это не со мной!
Чтобы, явственно, до дрожи
Ощущая путь земной,

До последнего дыханья
(Пусть морщины, седость пусть!)
Пыл дерзанья, зуд исканья,
Этой жизни нерв и пульс

Сохранила б как зеницу,
Серой мгле не отдала.
Чтоб легка была, как птица,
Не сложившая крыла.

* * *

Такой и запомнюсь, наверное:
С тихим голосом, детским почти,
В жизни замкнутой, откровенною
В речи творческой, стойкой в пути,
Дрожащей при каждом шорохе
Натянутою струной,
Участливой, отрешенною,
Тоскующей, озорной.

Такой и останусь в памяти
На короткий иль долгий срок:
С одиноким своим парусом
И огнем неформатных строк.
Неприкаянною, немодною,
Не прижившейся на земле,
Но в полете всегда свободною,
С Божьей меткою на крыле.

Неожиданное предположение

Кто поэзию поймет?
Завитки, кивки, намеки,
Тайны, прихоти, пороки.
Все небесных струй потоки,
Все земных терзаний гнет.

В этих странных письменах
Кто найдет себе отраду?
В век практического склада
Отзвук их на чьих губах

Терпкой влагой заискрится,
С притяжением земным
Споря? Вымысла зарницы
Сквозь густой житейский дым

Разглядеть сумеет кто же?
Покажите мне его!
Может, этот вот прохожий,
Может, тот... Но ничего

Я особого не вижу
В лице этом, в лице том.
Тот, кто чужд, подходит ближе,
Тот, кто близок, за углом

Притаился, может статья:
Неуживчив, одинок,
Он читает между строк,
Знает каждый завиток.
Для чего же приближаться?

В начале июля

Июль. Обещают безбожное пекло.
(А что обещать еще можно в июле?)
Но мокро пока и листва не поблекла
От жгучего солнца, и мы не уснули,

Сомлев от жары, истомившись до края.
Еще мы глядим хладнокровно и смело
И, капли последней прохлады вдыхая,
Не верим, что завтра расплавится тело

На знойных угольях и дух онемееет,
Но будет держать до конца оборону.
А после, мы знаем, не раз пожалеет
О давешнем блеске, не вспомнив урона...

Господь ли так создал рукой милосердной,
Иль время колдует, как добрая фея,
Но память беззлобна, сладка с ней беседа,
И то, что прошло, с каждым годом милее.

Дождь

Дождь хорош для того, кто пускается в путь.
А еще для того, кто вгрызается в суть,
Ненасытный свой ум ублажая.

Впрочем, все это вздор, впрочем, все это ложь.
Дождь хорош потому, что он просто хорош.
Просто, душу и плоть освежая,

Льет и льет, и уже нам житья не дает.
И, не зная куда, среди потопа плывет
Божьих тварей промокшая стая.

Уроки поэзии

(Три стороны медали)

1

Поэт потому и поэт,
Что пробует сумрак и свет
На зуб, как меняла деньгу.
У Господа в вечном долгу,
Он просит еще и еще.
Он жаден, ему горячо
От этих даров, от костров,
Что в сердце горят. Нездоров
Он часто — ведь зло и добро
В нем спорят до хрипа. Перо
За яростным спором спешит.
Оно-то его и решит...

2

О нет, я не талантлива во всем,
Не подтвержденье формулы известной.
Скорей напротив — следую путем
Однообразным, жизнью интересной,
Расцвеченной огнями, не живу.
Один во мне огонь, он сжег иные.
Я этот жар Поэзией зову.
Все от него — и страсти роковые,
И эта одинокая стезя,
Где места суете не остается.
Пока горит огонь, его, сдается,
На огоньки разменивать нельзя.

Ты мне говоришь: невозможно
Жить так напряженно, тревожно,
На любую боль отзываться,
Чувству до конца отдаваться
И гореть до самого донца.
Ты мне говоришь: лето, солнце,
Море и песок влажный!
Ты зовешь меня в пляжный
Праздний, страстный мир плоти.
И о том, что жизнь лишь в полете,
Что умрет душа не летая,
Как тебе сказать, я не знаю...

* * *

И поэт земным идет путем.
Это ложь, что счастья он не хочет.
Что судьба беду ему пророчит,
Тоже ложь, конечно. Правда в том,
Что придумал он себе печаль,
Без которой жить неинтересно,
Сам себя с бедою повенчал,
Только чтоб в обыденности тесной
Не томиться, только бы, как все,
Не влачить бессмысленные годы.
Правда в том, что вечной он красе
Подчинил конечную природу.

* * *

...Страшна неземная судьба.

А. Тарковский

Как хорошо идти, плести
Венки из строк послушных!
Внимать и чувствовать, цвести
В твоих садах нескучных,

О жизнь! Люблю твои черты
И в ведро и в ненастье,
Хоть полон мир земной тщеты
И обмануло счастье.

И без него тебя люблю,
Твои мгновенья сладки.
Хоть знаю, не остановлю,
А все ж пишу в тетрадке,

Создать пытаюсь твой портрет.
Но страшно мне бывает,
Когда за край глядит, в *тот* свет
Невольно проникает

Мое перо. Какие там
Сады? какие нравы?
Как хорошо, что грешным нам
Не дал Всевышний право

Туда распахивать окно,
Где ожидают Судьи.
Как хорошо, что не дано
Дойти самой сути!

Мелодия

Шоу, фарс, флэшмоб, пародия...
Сыплет хлопьями пурга.
Где найти тебя, мелодия?
Только ты и дорога
Как условие песни всяческой.
Нет тебя — и песни нет.
Все иное — шум ребяческий,
Выкрутасы, заумь, бред.
Все иное — вздор, нелепица.
Но бесценен встречи миг:
Так в толпе порою встретится
Красоты нездешней лик.
Так придут порой созвучия,
Ливнем грянут с высоты,
Словно яркие, пахучие,
Дивной прелести цветы.

Мастер

Не обвиняй меня в высокомерье —
Я знаю школу боли и труда.
Но мастер иногда из подмастерья
Помалу вырастает и тогда

Как будто бы меняется: взрослее
Его повадка, сдержанней порыв.
А думают — вознесся в эмпирии,
Земных своих товарищей забыв.

А говорят — надменен, неуживчив
И свойских разговоров не ведет.
Откуда знать им, как бывает сбивчив,
Надорван голос, сколько горьких нот,

Простому уху слышимых едва ли,
Озвучивать приходится ему!
Да, он не прост, его к тому призвали,
Что не поднять житейскому уму.

Да, он такой — в своем живущий мире,
В который путь заказан чужаку.
Но взгляд его отзывчивей и шире,
Он ринется по первому звонку

В незримый бой и честно будет биться.
Зачем? За что? Да кто ж его поймет...
Да, он из тех, кому покой лишь снится,
Но главное — из тех он, кто не врет.

Не люблю

*...Сидит в тени певец простой
И бескорыстный и свободный!..*

М. Лермонтов

Не люблю лощеных франтов,
Записных говорунов,
Самозванцев, симулянтов,
Легковесных дилетантов
И напыщенных ослов.

Не люблю строки вульгарной,
Не люблю руки бездарной,
А еще — высокопарной
Речи, праздно́й болтовни.
Те слова, чье наполненье
Мне претит, без сожаленья
Отвергаю. Не казни
Ты меня, блюститель строгий!
Есть какие-то пороги,
За которые ни-ни.
Так мое уж слышит ухо:
Слово выморочно, сухо,
Как казенный мадригал.
Взять к примеру «литератор» —
Хуже только «прокуратор»,
Кто Булгакова читал.

Сколько темного, дурного,
Изжитого, наносного
В нем скопилось за сто лет!
Дух и буква — все не ново,
Все — из прошлого привет.

Внемлю я потокам бурным
И на жизни зов лечу.
Но *трудом литературным*
Заниматься не хочу!
Не терплю собраний важных,
Скучных споров ни о чем,
Муз натужных и продажных.
Кто Булгакова прочел,
Тем без лишних слов открыта
Суть посланья моего:
Я потомков МАССОЛИТа
И наследников его
Не люблю. Живу изгоем
Добровольным и в тиши
Волей, творчеством, покоем
Наслаждаюсь от души.

Кукушонок

Родства ни с кем, с пеленок,
Мне ясно от и до,
Что я как кукушонок,
Подброшенный в гнездо.

Как в раковине хрупкой,
Сама в себе живу.
Вбираю все, как губка,
По имени зову

Твои, Земля, приметы.
Их много, я одна:
Хожу-брожу по свету,
Чудес его полна.

Но нет такого дома
И нет семьи такой,
К которым я влекома
Дочернею тоской,

Каким-то чувством кровным,
Которого Господь
Не дал мне. Лишь духовным
Родством, минуя плоть,

Отмечена с пеленок.
К тому весь ход вещей,
Что я Его ребенок
И более ничей.

Поэт

Скоро вовсе забудем язык метафор,
Будем помнить пароли одни, пинкоды.
Золотой телец еще тот диктатор —
Истребляет все, в чем жива свобода.

Суррогат за подлинник ловко выдав,
Расставляет всюду свои наживки.
Мы уже не дети, видали виды,
Но и нас все легче привлечь фальшивкой.

Мы устали биться за идеалы,
Эти битвы тщетны, как труд Сизифа.
Смехачи, ловкачи собирают залы,
Прощецветают прочие паразиты.

А поэт все еще говорит на русском,
На своем великом еще, могучем,
Хоть телец не дает ему вовсе спуска,
Хоть не тянет прикид на Армани с Гуччи.

Говорит, хоть мало кто понимает,
Хоть другой язык победил сегодня,
И добро от зла еще отличает,
Остальных хоть чуточку, но свободней.

Без дороги

...мир больше не чудесен...

А. Ахматова

Нам уже как китайская грамота та свобода,
От которой когда-то рождал свои строчки гений,
Потому что искусства божественная природа
В результате различных борений, крушений, трений,

Или просто устав от засилья материй плотных
(Что теперь выяснять причину —
от следствий тошно),

Испарилась по капле, иссякла, и на полотнах
Ощетинился мир озлобленный и ничтожный.

И на книжных листах, и везде, где царили боги,
Где свои жемчуга, не скупясь, рассыпали музы,
Мы остались одни, без опеки и без дороги,
Словно Богу не дети мы более, а обуза.

И болит эта тема, в нарыв превратилась рана.
Что с ней делать, как излечить ее, я не знаю.
Остается привыкнуть, что вместо небесной манны
Будет в глотку сыпаться горькая пыль земная.

Наши дети

Наша совесть...

Наша совесть...

Ин. Анненский

Телефончики в карманчиках,
Глазки тусклы, брючки сужены.
Ходят девочки и мальчики,
Говорящие на суржике,

Как созданья инородные,
Существа инопланетные.
Наши дети беспородные,
Наши цветики бесцветные.

Было время эпохальное,
Стало мелкое, мишурное:
Сплошь герои виртуальные,
Персонажи субкультурные.

Вроде все у них как надобно,
Только хилые да хворые:
Кокакольно-лимонадные
Потребители матерые.

Суррогатами накормлены,
Химикатами напоены,
Наши дети беззаконные,
Криво сшиты, наспех скроены.

Вы простите нас, пожалуйста,
Были мы в часы зачатия
Захмелевшие от шалостей,
Получившие проклятие

От страны, что нами предана.
Видит Бог, о том не знали мы!
Плод непознанный, неведомый
За свободу принимали мы.

Околпачены иудами,
Мы стоим теперь, как нищие,
Грохоча пустыми блюдами,
Что когда-то были с пищею.

Мы дрожим теперь, как голые,
Больно битые по темечку,
Видя души ваши полые,
Наши мальчики и девочки.

Убеленные печалями,
Бурь минувших отголосками,
Снова гибнем от отчаянья,
Слыша речи ваши плоские.

Прозреваем, как подсудные,
Восклицаем «Что наделали?!»,
Входим в мир глобальных сумерек,
Кровожадных полный демонов.

...Привыкаем понемногу мы
Принимать необратимое.
Умолкая, просим Бога мы:
— Не оставь дитя родимое!

* * *

...И дети, растущие в псевдостране,
Которой у Бога не значится, учат
О ней неблуды. Возможно вполне,
Еще за старанье «отлично» получают

И будут безропотно верить вранью,
Что взрослые им под шумок навязали.
Своим же — такую подсунуть свинью!
Подлее маневра еще не видали.

А если видали, забыли давно.
Но этот — новейший, состряпанный лихо,
Ударившей в темя, как злое вино,
Принесший с собою раздор и шумиху,

Запомним надолго. Уже поднялось
И в путь отправляется то поколение,
Которому антироссийскую злость
Внушали с пеленок, как вероученье.

Уж новое племя на этих дрожжах
Растет, привыкая ко лжи с малолетства.
Когда же лжецарство падет, будет прах
Так горек его, что не сыщется средства,

О, долго не сыщется, чтоб подсластить.
Взгляни-ка, червями изъедено древо.
Посажено было не нас накормить,
Но алчных вождей ненасытные чрева.

Смердит европейская наша дыра,
Сменяют друг друга порочные кланы.
Так ешьте же, черви, не жалко добра,
Но жалко детей, приобщенных к обману.

* * *

Отчего так прошедшее мило?
Только ли оттого, что прошло?
Может, век наш, сошедший в могилу,
Был щедрее иных на тепло?

Да, война, двух империй паденье,
И разруха, и снова война,
И застенки, и пытки. Но зренье
Устремляется в те письма,

Что писались открытой душою.
Значит, вправду не ведала зла?
Значит, истинной, чистой, большою,
А не сморщенной, мутной была?

Значит, было в стране той безбожной,
Той гулаговской нашей тюрьме,
То, что нынче уже невозможно
Ни понять, ни представить. Во тьме

Охватившего душу распада,
Тупиковую взяв колею,
Понимаешь: была как награда
Жизнь в совковом, кондовом раю.

Как ругали, сживали со свету.
И не ведали, стены круша:
Справедливей не знала планета,
Милосердней не знала душа.

В океане

Ни тени квасного патриотизма
с уклоном в славянофильство,
ни западнического снобизма,
который есть просто свинство,
в себе не вижу, не наблюдаю,
кто со стороны — быть может.
Но я по счастью об этом не знаю,
и мало меня тревожит
поверхностный взгляд (я давно глубоких,
к несчастью, не замечала).
Так вот, я из тех парусов одиноких,
которым пилить к причалу
дальше еще, чем туристам к Марсу, —
они хоть знают, куда им.
А я всей своею духовной массой,
всем скарбом сердечных тайн,
стихов, на которые с пренебрежением
смотрят *умные дяди*,

с лица необщим своим выраженьем,
пльву и не знаю, ради
чего, для какой этот скарб державы.
— Ах, мама, неактуальны, —
мне сын говорит, — эти виды, жанры.
Вокруг погляди — глобальный
нас мир окружает, все океаном,
единым и безграничным,
объято уже — и стихи, и страны,
расчетом лишь прагматичным
все движется, мама...
Мой сын современный,
конечно же, прав, не спору.
А все же пльву в этом мутном, пенном,
меня обступившем море.
Какой ни назвать бы мне порт и берег,
не ждет ни один. И все же
в Россию еще почему-то верю,
как в зверя, что сбросит кожу
и лик человеческий с необщим взглядом
предъявит неотвратимо.
А более мне ничего не надо.
От лютой, непроходимой,
неисповедимой тоски *глобальной*,
что душу берет в неволю,
спасает твой образ — неидеальный,
но сердцу родной до боли, —
отчизна, которой меня лишили.
Не с вашим ли, умные дяди,
нескромным участием? Коль нагрешили,
ступайте уж Бога ради.

Не скальтесь, не парьтесь — идите лесом,
туда-то вам и дорога.
Оставьте плывущих с их интересом,
понять не дано вам слога
и духа того, что своей природой
восходит к отчизне сирой,
в ней видя отнюдь не тюрьму народов,
а пылкое сердце мира.

Homo novus

(*Без закона*)

Он может все высмеять, все извратить,
Опошлить, унижить, — ведь это *прикольнo!*
Для пущего стеба — кого-то побить,
Пальнуть для разрядки, все это спокойно

На видео снять и под пиво смотреть,
Показывать также друзьям и знакомым.
Да что там показывать — выложить в сеть!
Все можно ему — он живет без закона.

Пред собственной совестью чист, как стекло,
Поскольку о ней представленье едва ли
Имеет. Спросите, добро или зло
Есть жизнь его — он посмеется над вами.

Путешествие
из Одессы в Николаев
(История одной поездки)

Вокзал. Одесса. Летний зной.
Лежит дорога предо мной
На Николаев, и вот-вот
Автобус тронется. Народ
Еще рассестся не успел,
Но зажевал уже, запел.
Свистит над ухом, как картечь,
Его доходчивая речь.

Автобус мчится. Наконец
Отъехал! Ветер бьет в торец,
Идет гроза. Вокруг поля:
Родная южная земля
В цвету, милы ее черты.
Стоят подсолнухи-цветы,
Кивая ласково. Не мог
Их стороной пройти Ван Гог!

Автобус мчится, дождь идет.
Блатное радио поет
О несложившейся любви.
Кричит мамаша «Не реви!»
Ребенку двух, не больше, лет.
Но он ревет, и мочи нет
Истошный слышать этот крик
В соединении музык.

Автобус мчится. Аромат
Окорочков, колбас, купат
В салоне вьется будто дым.
Лишь я, блаженный пилигрим,
Сижу, уставившись в окно,
Подобно зрителю в кино.
Гляжу на летнюю грозу
И с хрустом яблоко грызу.

Автобус мчится. Тянет в сон.
Но надоедливый «Шансон»
О трудной ээковской судьбе
Хрипит опять, и не в себе
Сосед: поссорился с женой,
И в кружке плещутся пивной
Его обида и тоска.
Ей-богу, жалко мужика!

Автобус мчится. Час, другой.
Уже с затекшею ногой
Сижу, уже невмоготу.
Пейзаж меняется: к мосту
Уже подъехали. И вдруг —
Река. Какая? Южный Буг.
И значит нас, привстав от дел,
Встречает город-корабел.

И вот уже Большой Морской
Видны дома. Кругом покой —
Ни ярких лиц, ни броских мод.
Провинциальный обиход

Во всем, что взору предстает.
Домчались. Радио поет
Отбой. Еще один урок
О смысле жизненных дорог

Окончен. Миг передохнуть —
И снова в путь, и снова в путь!

Подсолнух

Вот он — высокий, с пупырчатым диском
И золотым лепестком.
В праздничный день для букета сгодится,
В будни напомнит о том,

Что хорошо бы встряхнуться, подняться
К солнцу усталой душой
И улыбнуться, потом засмеяться
Жизни своей и чужой.

Так вот Ван Гог, вдохновившись когда-то
Брызжущим светом его,
Время отсрочил беды и утраты,
Тьмы оттянул торжество.

Вот бы вернуться и вымолить чудо!
Ведь и столетье не срок,
Если б ему улыбался повсюду
Солнечный этот цветок!

Помни ж, художник, о нем ежечасно
И возвращайся всегда
В милые веси, где солнце так ясно,
Что никакая беда

Не устоит пред златыми лучами,
В темный воротится лес.
Веруй, художник, глухими ночами
В светлую помощь небес.

Южнорусские строфы

Такой останусь, и не жалко
Минувших грез, —
Южанкою, провинциалкой,
Под стук колес

К Москве взывающей, но здешней,
От плоти плоть
Державы южной, чьи одежды
Мне довелось

Носить с рожденья, чью повадку
Переняла,
Чей стол люблю, обильный, сладкий.
Душа светла,

Как небо над родной Одессой,
И так легка,
Что ускользает из-под прессы.
От маяка

Луч протянулся путеводный —
За ним, вперед!
Как мореплаватель свободный,
Спешу в поход.

Волны высокой гребень вижу
Издалека.
Она по мне, не надо ниже, —
Лишь в ней строка

Родиться может и продлиться.
Куда ж лететь?
Я отродясь морская птица,
И здесь мне петь,

Где улыбается спросонок
Житье-бытье.
Я Новороссии ребенок
И дух ее.

Разговор по скайпу

Т. Сычевой

Говорим о Пушкине с тобой,
И уже как будто не друг друга
Видим, а единый дом родной —
Пушкинское слово. Как ни туго

В этой жизни, сколько ей ни течь,
С нами круг спасательный повсюду —
Золотая пушкинская речь,
Господом дарованное чудо.

И подумай только, что за честь —
С ним в одной стране родиться, строки
В подлиннике по сто раз прочесть
И опять в их звонкие потоки,

Находя в известном новизну
То и дело, прыгать с головою!
Что за счастье — с ним иметь одну
Родину и душу, ретивое

Чувствовать, как бьется в глубине,
Радуюсь тому, что жизнь прекрасна,
Мучась, если лик ее в огне.
Ибо живы, ибо сопричастны,

Как и он, волнениям земным,
Как и он — сияниям небесным.
Мы о нем не то что говорим —
Мы скорей заглядываем в бездну.

И глядим, что глаз не оторвать,
Суетных помех не замечая.
Говорим о Пушкине опять,
В каждом слове Вечность ощущая.

Про нас

Т. Сычевой

Чем наполнена жизнь?
Размышленьем, заботой, работой.
Разговоров все меньше,
Все дольше молчит телефон.
Сокращается численность тех,
С кем вести их охота,
Изменяется качество чувств,
Их основа и фон.

Все по плану Творца:
Он назначил нам те перемены,
Что полезны душе,
Но подчас для нее тяжелы.
Изживанье страстей,
Осознанье их тяжкого плена
К избавленью ведет
Через бездну унынья и мглы.

Мы не будем уже влюблены,
Беззаботны, беспечны, —
Цену знаем плодам,
Чья вначале так мякоть сладка.
Но сумеем понять и простить
И от дней скоротечных
Ждать не станем чудес,
Но, уже пред собою века

Ощущая, бесстрашно,
Беззлобно пойдём им навстречу,
Находя неожиданный вкус
В этой вольной ходьбе.
Чем наполнено сердце?
Глубокой, осмысленной речью.
Жизнь проходит не зря,
Если звук ее слышишь в себе.

* * *

Когда совсем уляжется земное
И дух уже пленен не будет им,
Спадут оковы, жизнь передо мною
Раскинется простором голубым.

И ясных вод спокойное течение
Такие мне откроет чудеса,
Что смолкнут все бывшие откровенья,
Знакомые утихнут голоса,

Уже навек в минувшем оставаясь,
Где мучили отчаянье и мгла,
Где я росла, от мук освобождаясь,
Но душу от потерь не сберегла.

Еще не улеглось, еще томится
Больное что-то, жаркое в груди,
Еще мешает мне освободиться
И за руку хватает: погоди!..

* * *

Не забудь, взывая к Богу,
Про вопрос цены.
Не проси другого века,
Жизни и страны.

Вдруг исполнит и проснешься
Неизвестно где,
Неизвестно кем очнешься,
При какой орде

Будешь жить, какие муки
Стерпишь и за что.
Не проси, прими что дали.
Пусть совсем не то,

Что в прекрасных снах являлось,
Но Ему видней,
Для чего тебе досталась
Повесть *этих* дней.

Может, в тех, к которым тянет
Тайное родство,
Не доделал, не додумал,
Не допел всего.

И тогда вдвойне напрасен
Жалкий ропот твой:
Торопись закрыть пробелы —
Думай, делай, пой!

Чтоб, когда ночные птицы
Душу унесут,
До конца уж расплатиться
За земной приют.

* * *

Беспокойный июль — все тревоги, дороги.
Слава Богу, прогнозы еще не сбылись
И жара задержалась, и бегают ноги,
И упругие слоги ложатся на лист.

Слава Богу, что есть еще силы, стремленья,
Что подвластно не все равнодушной тщете,
И огонь куража, и восторг озаренья,
Словно манна с небес, чудеса в решете,

Посещают еще — как салютные вспышки,
Мой обыденный путь освещают порой.
А иначе — конец. Даже умные книжки
Не помогут тогда, даже царь и герой

От удушливой мглы не дадут избавленья.
Жизнь без творческой искры не жизнь, а кошмар.
К черту мысли о том, что плоды вдохновенья
Не нужны никому, что напрасен твой дар.

Пусть напрасен, нелеп, не замечен, не нужен, —
Слава Богу, горит, как высокий костер,
И к тетради зовет, как на праздничный ужин,
И стихом предстает переплавленный сор.

Двор

За стеной младенец плачет,
День до вечера судачит
Кто-то с кем-то на скамейке.
А веселая семейка,
Что живет наискосок,
Друг из друга кровь, как сок,
Ежедневно, с аппетитом,
Пьет, и тянет, как магнитом,
Всех подслушать, подсмотреть
По-соседски — будто снедь
Или водка за бесценюк
В нервном шуме этих сценюк.

Двор живет. Листвой качают
Клен с орехом — привечают
Взгляд мой сонный поутру.
Но ей-богу же совру,
Если о жильцах хвостатых
Не скажу в отдельно взятых

Предложеньях. Вот народ!
Среди ночи так орет,
Что сдается — страсть Господня! —
Это звуки преисподней.
Днем — милы как ангелята.
И котята и ребята

В каждом водятся дворе,
Но к соседской детворе,
Как к родне уже своей,
Прикипаешь. Их слышней
Год от года смех и слезы —
Словно ели и березы
Из побегов робких, слабых
Постепенно, на ухабах
Неказистого двора
Вырастают, и пора
Выходить им в жизнь большую.
Не об этом ли пишу я

Год за годом, день за днем, —
Как взрослеем, как идем
Прочь от отчего порога,
Как неласкова дорога
К нам бывает, как туманы
Накрывают и романы
Не пестрят благополучьем...
Не ищи, не сыщешь лучше
Тех единственных пенат,
Где в защиту от уграт
Благодать тебе дана —
Вид привычный из окна.

Психолог

Если путь тернист и долог,
Рано ль, поздно ли, на нем
Вам встречается психолог:
Как ньютоновский бином,

Он загадочен и сложен,
Знает много умных слов.
Вынув их, как меч из ножен,
Вас тестировать готов.

Звук с небес не лейте, флейты, —
Из низов его подход:
Он от Юнга и от Фрейда
Родословную ведет.

Он копает подсознание,
Словно дачник огород,
И твердит, как заклинание,
«Позитивный» оборот

Про любовь к себе святую
Да про то, как слаще жить.
Учит рыбку золотую
В мутной заводи ловить.

Ах, психолог, как же узок,
Как безжизнен метод твой!
Укрепляешь с плотью узы,
Да уж где тебе — с душой...

Говоришь, что нет страшнее
Одиночества в толпе.
Зрю, психолог, грамотея,
Но не мастера в тебе.

В социальность, точно в веру,
Обращаешь, в мир гоня.
Сексуальную пантеру
Извлекаешь из меня.

Хватит, слушать надоело
Скучный, душный этот вздор.
Не от Бога это дело
Не Его за ним призор.

Не трудись, в своем я мире
Проживаю: он миров
Всех, тебе известных, шире,
Он изранен, но здоров.

Ибо в нем все соки юга,
Ибо Божий в нем закон.
Знай, психолог, Фрейду с Юнгом
Не мечталось о таком.

* * *

Слежу за ветром, за цветком,
За разноцветным мотыльком,
За стайкой птиц в листве укропной.
И нежность пестую в себе
К гудящей, брызжущей гульбе
Природы летней — неумной,
Живущей чувствами пока —
До первых заморозков точно!
Знакомой с осенью заочно,
По песням старого сверчка...

* * *

Сыну

Как трудно говорить с не умудренным,
С не примиренным — сколько нужно сил!
Мученье — дух искать в плоде зеленом,
Когда в нем только юношества пыл
И дерзости отчаянное пламя.
Создатель, укрепи мои крыла,
Чтоб с теми не утратить связь годами,
Когда сама такую же была.

Хроники среднего возраста

1

Наивной уже не буду,
Доверчивой к незнакомцам.
С мальчишкой Робин Гудом
Вприпрыжку бежать за солнцем
Уже захочу едва ли,
Скорее посплю подольше.
Но радости и печали
Мои все светлей и тоньше.
Все больше ценю мгновенья,
С улыбкой встречаю зрелость,
В ней чувствуя избавленье,
Которого так хотелось.
И в том, что грущу ночами,
Опять она виновата:
В ней чувствую окончанье
Того, к чему нет возврата.

2

Разворачиваюсь в марше —
Мне не хочется туда,
Где из года в год я старше
Становлюсь, где никогда
Ничего не повторится,
Все впервые — старость, смерть...

Лишь душа, как Божья птица,
Песня, сказка, небылица,
Без оглядки мчится, мчится,
Не боится онеметь,
Впасть в бесчувствие глухое,
Постареть, сойти с лица.
Старость — нам, а ей иное —
Жизнь навеки, без конца.

3

О жизни, о жизни пиши, о любви не забудь, —
О ней-то уж точно все лучшие строки, и даже
Тире с запятыми к тому лишь, чтоб в самую суть
Прекрасной, счастливой, несчастной проникнуть.
Плюмажи,

Перчатки, оборки, вуали ее, веера, —
Все дорого сердцу, и с маленькой нежною мушкой
Над верхней губою не можешь расстаться.
Пора!

Уже намечает сугробы над милой опушкой,

Уже эти ямочки, мушки, кивки, завитки
Мелькнули, кольнули, пленили, ушли без возврата.
А ты все стоишь над замерзшею гладью реки,
Что жаркой волною тебя обнимала когда-то.

Без звука

Сюжет этот пережит, понят, зачитан до дыр,
Уже не совершь, не замрешь в ожидании чуда,
Когда вдруг захлопнется дверца в невидимый мир
И ты ни полслова уже не дождешься оттуда.

Как долго продлится немилость, откуда же знать?
А может быть, милость, напротив?..

Вопрос за вопросом,

В который уж раз... Но ответов не знаешь опять:
Заслуженным отдыхом занят? Остался ли с носом?

Без тайного знака, без звука пытаешься жить
И следовать общим маршрутом, по горизонтали.
И вроде все складно, но Боже, как хочется пить
Из рук Твоих млеко, которого здесь не видали!

Кого ни спроси — ну о чем ты, зачем ты? — в ответ, —
Ведь можно наполнить пустоты иным содержанием.
Да, можно, но счастья, но жизни иной уже нет
Для тех, кто хоть раз был обласкан
небесным дыханьем.

Вот так и живешь ты — просителем вечным у врат,
Что могут открыться вот-вот (о накал, о интрига!),
А могут уже никогда, и едва ль виноват
Хоть кто-то, хоть чем-то в возможности этого мига.

На заметку

Вы заметьте, заметьте, нет на виду
Тех, кто Божьему лишь предстает суду.

Не мелькают они тут и там, впопыхах
Не живут, имена их у всех на устах

Не звучат. Не берут интервью у тех,
Чья конечная цель — не мирской успех,

А движенье крыл и души раскрытье.
В жизни нет важнее для них событья,

Чем садов небесных плодоношенье.
Оттого-то здесь не в почете пенье

Их, не ставящих призрачный блеск награды
Выше истинной той, неземной услады.

Наедине с собой

*Я не стою ни полслова
Из его черновика...*

А. Тарковский

Постепенно, к зрелым уже годам,
приходишь к какому-то знанию,
которым Пушкин, к примеру,
обладал едва ль не с рождения.

А тут — столько суетных нервных драм,
сердечного задыханья,
метанья, исканья веры, —
и лишь искорка озаренья...

А еще вспомни Моцарта и да Винчи...
Нет, твое паренье невысоко.
Вот и думай — то ли время такое нынче,
то ли дар с игольное ушко...

* * *

По дороге своей ты идешь, идешь.
Приглядишься к пейзажу — строку найдешь.
Ничего себе строчка — умна, точна.
Но назавтра покажется сном она.
И опять пойдешь, слыша хор сирен.
Напоют они, что все это тлен.
О, знакомая, древняя, сколько лет
Этой песне! Скольким дала ответ
На вопрос злосчастный! Сколько умов
Эту горечь испили! О тщетность слов!
Чувств мгновенность, жизни короткий миг!
Тут и мудрость самых мудрейших книг
Не поможет. А все же иди, иди!
Неустанно за строчкой своей гляди.
Через это гляденье, даст Бог, поймешь,
Кто ты есть и куда, и зачем идешь.

* * *

Подобно одной забытой актрисе,
не сумевшей жить без театра,
ставившей «Чайку» в своей квартире,
игравшей Нину до самой смерти
перед зрителем вымышленным
или небесным, —
подобно ей и прочим безумцам,
зачем-то жившим, игравшим, певшим,
пишу в тетради, кричу, как чайка,
на странном, птичьем своем наречье.
И непонятно, и чуждо людям —
что хочет птица, о чем толкует?
Кричит — и ладно, крылами машет —
пускай...
Все дальше она от мира,
все ближе к сестрам своим небесным...

Неужто так вот до самой смерти
махать крылами, не утоляя
тоски душевной, не исцеляя
душевной раны?
Подобно чеховской героине
и той актрисе, ее игравшей,
нести свой крест, не теряя веры?
Неужто это и есть призванье?..
Как на безумье оно похоже!

Шарманка

Сквозь мою проходит летопись
Строчкой красного шитья
Чувство собственной нелепости
На просторах бытия.

Неуютно и невесело
С этим чувством жить да быть.
Кружева печаль развесила,
Обвилась тугая нить

Вкруг души петель безжалостной —
Не распутать, не вздохнуть.
Кто со мной? Прошу, пожалуйста!
Но, увы, безлюден путь,

Редок гость в садах лирических.
Что за фрукты в них растут?
Никаких экономических
Дивидендов не дают.

Значит, толку нет нисколько
В этих гроздьях наливных.
Сиротливо смотрят корочки
Пухлых сборников моих,

И опять шарманка жалобой
Надрывается с утра,
И раскачивают палубу
Налетевшие ветра.

Оперетта

Если жизни захочется мне какой-то иной —
Легкой, праздной, беспечной, похожей на выходной,
Да счастливой к тому ж, со взаимной любовью чтоб,
Я не стану лукавить и морщить в натуге лоб.

Поудобней усядусь, настроюсь на нужный лад —
Тот, в котором танцуют, флиртуют, легко острят, —
И включу оперетту: как сливки, как крем-брюле,
Эти вальсы и польки. Как будто навеселе

От игристых, лучистых, душистых каких-то вин,
Воспарю, возликую и мимо угрюмых мин
Тех блюстителей вкуса, в которых одна труха,
Пролечу без оглядки. И вовсе жизнь не плоха!

Не горька, не печальна. Ну, разве совсем чуть-чуть,
Ровно столько, чтоб сладость пикантной была, чтоб грудь
Колыхалась, вздымалась дунайской под стать волне...
Чтоб еще на минуту остаться в счастливом сне.

Отличники

Те, для кого так важны в дневнике отметки,
Кто пункты правила учит, как Отче наш,
Жизнь проживают, скрипя, как сухие ветки,
В грозах весенних видя пустую блажь,

В чувствах — излишество,
В отдохновенье — праздность.
Всюду неправильность рады они найти.
С тем и подходят к финалу червям на радость:
С прахом сравниются — вот и итог пути.

Нечего более взять с них — одни отметки
В высохших, выцветших школьных их дневниках.
Там и душа — в чисто убранной чахнет клетке,
Так и оставшись бескрылым птенцом в силах.

* * *

Старею. Теряю потребность кому-то открыться
И вдоволь, как прежде, насытиться, наговориться.

О чем-то — неважно, о чем, по большому-то счету!
Открыться бы только, услышать желанную ноту

Взаимности чьей-то — притворной? живой? — без разбора,
Без мысли подобной. О, только бы нить разговора

Вилась, трепетала, сверкала, дрожала от смеха.
О диск телефонный, бесценный, отдельная вежа,

Прекрасная вежа судьбы неразрывна с тобою.
Старею. Позицию эту без всякого боя

Течению Леты сдаю. Даже слез сожаленья,
Представьте, не лью. Тишине отдаю предпочтенье.

* * *

Нет, что-то с душой происходит, в какую-то глубь,
Откуда на берег уже невозможно вернуться,
Уходит она, уплывает. О жизнь, приголубь!
Быть может, еще ей захочется вдруг оглянуться.

Быть может, еще не разрушена хрупкая связь
С обманчивым миром, таким упоительно-бренным.
А впрочем, уже не обманешь — уже разрослась
И мудростью той налилась, что виденьям мгновенным

Не внемлет, не верит посулам и сладким устам,
Никак не пленить ее дымкой туманного флера.
Чем дальше, тем ближе подходит к небесным вратам,
Чем ближе — тем меньше во взгляде мольбы и укора.

* * *

Хоть режь ты меня, хоть ешь,
Хоть в бровь попадай, хоть в глаз, —
Тех пламенных лет мятеж
Во мне еще не угас.

Та страсть, что цвела, ждала
Взаимности от тебя,
О жизнь моя, — та прошла.
О ней я уже, скорбя,

Писала прощальный стих.
Но видимо, — вот курьез! —
С цветов тех, еще живых,
Скатились дождевки слез

Предсмертных и, в землю пав,
Взошли уже тем огнем,
Чей выше и строже нрав:
Ни зыбкости прежней в нем,

Ни робости детской нет.
Лишь горечь порой найдет,
Как туча, закроет свет,
До самых костей проймает.

А все же она не тех
Тлетворных плодов зерно,
Которые сеют грех,
И в сердце от них темно.

А все же она светла
И светел мятежный слог,
Что воином против зла
Встает посреди дорог.

2013-й год
(Астрологическая ода)

1

13-й год, год сладкого труда,
Ничем не омраченного покуда.
Пищу легко. Собою не горда,
Но в некую свою причастность к чуду
Творения не верить не могу —
Уж слишком этот год богат плодами.
Уж слишком я пред Господом в долгу
За это несгораемое пламя.

2

13-й год. Похоже, гороскоп
Не врет про циклы звездные. Двенадцать
Минуло лет. Змея мне снова в лоб
Вложила знанье некое. Признаться,

Свободно так и радостно перу
На поле разлинованном доселе
И не было еще. И не совру,
Когда скажу, что дух в таком веселье

И счастья еще не пребывал —
Как будто перерос свои оковы
И наконец свободу ту познал,
Которая и надобна для слова.

* * *

Стих, когда пишется он, утешает и лечит,
В плоскость иную из суетной, здешней, уводит.
Если работа кипит — распрямляются плечи,
Тяжесть, гнобившая душу, куда-то уходит.

Словно не образ, не знак переносного смысла,
А настоящие крылья шумят за спиной!
В творческой кухне запарка и дым коромыслом?
Значит, летишь, оставляешь пространство земное,

С вечной заботой его и конечным итогом.
Скоро вернешься, и снова нахлынет, нагрянет...
Так поспеши ж нагуляться по горным дорогам,
В полной свободе, где жизнь не томит и не ранит.

* * *

Кто работает со словом,
Знает тот наверняка,
Как под буквенным покровом,
Невзначай, исподтишка,
Смысл является неожиданный,
Неизвестный до сих пор.
Взмах невольный, штрих спонтанный,
Струн сердечных перебор, —
И — о чудо! — из бездонной,
Из гудящей глубины
Звук летит освобожденный:
Словно ласточка весны
Возвещает приближенье,
Словно первый поцелуй
На губах горит, и жженье
Нестерпимо сладко. Дуй,
Новизны пьянящий ветер,
Открыватель смыслов, вей,
И, покуда солнце светит,
Нас, ленивцев, не жалей!

Из детства (Продолжение)

1

В детстве каждый год была больница
(Я росла болезненным ребенком).
А в больнице нечем поживиться,
Разве что на завтрак слоем тонким
Жидкого фабричного варенья
Поливали кашу и к тому же
Выдавали к чаю два печенья
(Столько же на полдник и на ужин).

Вкусностями баловала мама
(Я росла ужасной сладкоежкой).
О, какой была прекрасной дамой
В молодости мама! С Белоснежкой
Бархатистой матовостью кожи
Схожею была, с актрисой польской —
Женственностью черт. (Делить с ней ложе
Был бы рад гусар любого войска).

Но промчалась молодость не только
Мамина — моя уже поблекла.
Помню апельсиновые дольки
Как предел мечтаний и — таблетки,
Множество таблеток и уколов,
Боли, мыслей, чувств — совсем не детских.
Помню эту жизненную школу,
Медсестер и врачей советских:

Ревностных, упорных атеистов,
Верных охранителей рутини.
Но еще по сути альтруистов,
Рыцарей бесплатной медицины;
С трубочкой и скучною беседой
Обходивших общие палаты.
Но еще по сути милосердных,
Не предавших клятву Гиппократа.

Помню все — без радости особой,
Потому как все-таки больница,
Но и без печали узколобой —
Жизнь дана, чтоб петь легко, как птица.
Там как раз, в больничном коридоре,
В ожиданье сладкого подарка,
В несвободе, в смутном детском горе,
Рос птенец, болезненно и жарко.

2

Прав психолог, все из детства:
И сиротство, и соседство
С неприкаянною музой,
И простого кроя блуза
Вместо платьев дорогих.
Все из детства — вдох и стих:
Из расщелины проросший,
Все невзгоды перенесший
На изломе двух эпох.
Не от сытости — от крох

Перепахавших зародился.
Но помалу округлился
И теперь имеет вид.
Вспоминая, как таился,
Как мучительно открылся,
«Все из детства», — говорит.

Только любовь

Что за жизнь была — только любовь,
Только сердца горячие вздохи.
Вспомню их — и взволнуется кровь,
Хоть в другой уже бьется эпохе.

Сколько странных, безумных шагов!
Сколько страстных, прекрасных ошибок!
И печальных кругов, и долгов,
И сквозь слезы — прощальных улыбок...

Надо ж, сколько добра набралось —
Как в ларце у красавицы знатной.
До седых, до последних волос
Будет путь продолжаться обратный.

Что ни день, будет память туда
Возвращаться, где все начиналось.
Не стыдясь, не считая года,
Улыбаясь тому, что осталось...

Исхоженный путь

Как трудно, как горько сказать «не люблю»,
Увидеть, как страшно от боли внезапной
Черты исказились... Нет, не утолю
Я жажды твоей ни сегодня, ни завтра.

Увы, никогда. Не проси, не зови.
Зачем наша встреча случилась, кто знает?
Быть может, такой вот, несчастной любви
Тебе для рожденья души не хватает?

Быть может, таких вот отчаянных мук
(Уж мне-то поверь, этот путь мной исхожен!)
И ждет она, чтобы отчетливый звук
Издать вместо тех, на мычанье похожих?..

Август

В канун осеннего сезона
Душа заныла, заскреблась.
«Любая близость иллюзорна,
Условна всяческая связь», —

Шепнул мне август, пролетая.
За середину перейдя,
Вдруг обернулся птичьей стаей,
Пролился струями дождя.

Вот-вот и сменит оперенье
Природа, встав от летних нег.
Что связь, что близость? Все мгновенье.
Лишь одиночество навек.

На языке морском

1

У моря свой язык,
Свои обозначенья.
Приезжий не привык
К особому теченью
Свободных тех речей,
Их азбуке волнистой.
Сам здешний ход вещей
В диковинку туристу.

Но тот, кто здесь рожден,
Владеет неким кодом
И в тайну посвящен.
Не медли ж с переводом,
Поэт, певец свобод,
Глубин подводных житель!
Открой заветный код,
Как века просветитель,
Пролей своим стихом
Луч истинного света.
На языке морском
Быть честным значит это.

В смятенъе, в радости, в тоске,
И как бы сердце ни томилось,
Писать на этом языке —
Судьбы особенная милость.
Он льется сам, тугой волной
Тебя обхватывает властно,
И счастлив вечной новизной
Его стихии пленник страстный.

О, звуки моря! Словно те
С любимым нежные объятья.
Прикосновением к мечте
И независимую статью
Оно дарит тебя, строкой
К тому ж венчая это зданье.
Живи, красуйся, град морской,
Мне давший легкое дыханье!

Одессе-маме

Кто станет это слушать, ну скажите, —
О родине стихи, о русском духе?³
Уж как вы ни старайтесь, ни пишете,
К подобным темам слушатели глухи.

Одессе-маме (диспут тут напрасен)
Извольте спеть про мульки городские.
А если будет вечер столь прекрасен,
То можно ноты теплые, морские

Добавить для родительницы милой,
Подать ей расслабляющие вина.
А под конец — поставить в стойку «смирно!»
Под флагом независимой Украины.

* * *

Прости мне, Господи, что гордая,
Но видишь сам:
Я веку этому и городу
Не по зубам.

Не по нутру я этой местности,
Мой странен вид:
Врожденный знак душевной честности
Во лбу горит.

Так место с временем условились,
Так все сошлось,
Как будто загодя готовились.
Мне не спалось,

Мне словно виделось заранее,
Что в этот мир
Приду, как агнец на заклание.
Уже до дыр

Душа изранена, изношена.
А все равно
Не злое — доброе, хорошее
Люблю кино.

Смеюсь в лицо судьбе-насмешнице,
Пишу ей стих,
В беде сама себе утешница,
Коль нет иных.

* * *

День полон свежего дыханья —
Не пропусти, дыши полней!
Его теченья, проживанья,
Очарованья — нет важней.
А то, что после остается, —
Прочтется или не прочтется,
Пожрется или не пожрется
Жерлом прожорливым — к твоей
Судьбе уже не относимо.
Все обустроится, вестимо,
Твоих желаний не спрося.
А ты, свое с собой неся,
Неси и думай лишь о том,
Как средь пути не лечь пластом.
И не забудь, что стих как роза:
Тем краше, чем больней заноза.

Рецепты выживания

1

Да, кто-то прочтет — из друзей, знакомых,
Потешит твое тщеславье.
А в целом все то же — цепями скован
Эпохи своей, за здравье

Поставь себе свечку, чтоб выжить в этом
Катящемся в пропасть мире
И не поступиться душевным светом,
И видеть немного шире

Томлений своих — безответных, горьких.
А впрочем, есть лучше средство:
Упрячь, как Кощееву смерть в иголку,
В броню и кольчугу сердце.

Чтоб враг не достал и тоска не съела.
А впрочем, слова все это.
Остаться б в уме, пока суд да дело,
И мрак отличить от света.

2

Ну, не знаю... Наверное, верить в Бога.
В Нем всегда находила душа подмогу.

И когда все тонуло в густом тумане,
Только верой держалась она на грани.

А еще? А еще чтоб ни дня без строчки.
Даже если житейские проволочки

И глухое унынье к тому преградой,
И докучный рефрен «никому не надо»,

Все равно отдавай, что Господь отпустит.
Если светлой уже не осталось грусти,

Если тлеешь в геенне земных пожарищ,
То выходит, князь мира тебе товарищ.

Не сдавайся ему, объяви сраженье.
Нет иного пути избежать крушенья.

Ученичество

1

Реминисценции, цитаты...
Гудят, теснятся в голове.
О, как же дорого, как свято
Гуденье это! В рукаве

У Василисы распрекрасной
Такого не было добра.
Видать, учились не напрасно!
Ах, ученичества пора!

Пусть так до самого финала
И длится — в этом нет стыда.
Сколь ни учишь, все будет мало.
Но тем обильнее страда,

Чем слаще сердцу эти муки,
Чем больше преданности в нем
Твоей, Поэзия, науке.
Пока мы учимся — растем.

2

С этих уроков никак не отпросишься,
Нет тебе легких путей.
Учишься-учишься, носишься-носишься
С писаной торбой своей.

Тут переделано, там перечеркнуто,
Кругом идет голова.
Вроде, недавно была я девчонкою,
Два умножала на два,

Жизнью жила заурядной, обыденной,
В общем, такой как у всех.
Но неуклонно, дорогой невидимой,
Прочь от девичьих утех,

В мир ученичества — верного, торного,
Чуждого сладкому сну,
Шла для труда беспощадного, черного,
Точно солдат на войну.

Не выбиравшая, не убежавшая,
Сердце оставив в огне,
Шла повзрослевшая, цену узнавшая
Жизни на этой войне.

Полночь ли звездная, утро ль туманное,
Дождь ли стучит по стеклу, —
Так и иду той дорогою странною,
Так и учусь ремеслу.

3

А что учителя — портреты в рамках?
На полках бюсты? на холмах кресты?
Алмазы с потускневшею огранкой?
О нет, они живей, чем я и ты!

Взгляни на них поверх канонов вздорных —
Заметишь и оплошность, и провал,
Отметишь целый ряд моментов спорных,
Увидишь не бездвижный идеал,

Но бесконечно ищущий и страстный
Мятежный дух в плену земной тоски,
Не глянцевою оправой прекрасный,
А подлинностью чувства и строки.

* * *

Не с рюшами платье — суконная роба
Подходит мне больше, и тем я горда.
Профессиональность — вот высшая проба
Любого искусства, любого труда.

Работай до ночи, работай до света,
До пота, до хрипа усталой души.
Но помни, рабочая кухня все это:
Нажарил, нашкварил — и вольно дыши.

Чтоб воздуху было в избытке, чтоб страсти
К живому полету в груди не унять.
Профессиональность — награда и счастье
Суконную робу на крылья сменять.

* * *

Научить писать стихи?
Невозможно. Жизнь одна лишь,
день за днем от шелухи
очищая (это, знаешь,
очень длительный процесс
и болезненный нередко),
слов твоих меняет вес
и рисунок — будто клетку,
где не встанешь в полный рост,
понемногу раздвигает.
А увидит, что подрос, —
на свободу выпускает.

* * *

Шальной ли вихрь тебя несет,
Томят ли страстные порывы, —
Живи подробно. Важно все,
Нет мелочей, пока мы живы.

И ввысь и под ноги смотри —
Пространство жизни неделимо.
А если вдруг промчится мимо,
Хоть самому себе не ври,

Что в этом ты не виноват.
Там упустил, тут не заметил,
Не услышал, не внял, не встретил.
Не обессудь — вот результат.

* * *

«Вам пишется?» — спросит игриво
Мой старый знакомый, и мне
Придется ответить, что нива
Моя урожайна вполне;

Что все слава Богу: колосья
Растут без особых проблем,
И мне не грозит безгололье,
Отсутствие творческих тем.

Все верно, темнить не придется,
И впрямь плодотворен процесс.
Но сердце внезапно сожмется
От суетных этих словес.

Забьется тревожно и нервно,
Как будто почуяло ложь.
Потом остановится гневно
И выдохнет: Музу спугнешь!

* * *

Что наша жизнь, что время наше?
Топчан Прокрустов: день за днем
Калечит нас, из горькой чаши
Насильно поит. Кратким сном
Мы забываемся порою,
И снится нам, что мы вольны
От окружающего строя,
Эпохи, мира и страны.
О, сладость снов! Не просыпаться
Все чаще хочется. Но тот,
С лекалом, долго дожидаться
Не любит: теплыми берет,
Не пробудившимися толком,
И — всех под ноль, под третий сорт.
А тех, иных, особо тонких,
Тех, неподатливых и стойких,
Бросает в ярости за борт.

* * *

Чем воинственной наступает
Окружающая среда,
Тем отчаянней закипает
Кровь — и вправду ведь не вода!

Возмущается, негодует,
На защиту встает святынь.
Разум сверху на пламя дует:
— Тише, бешеная, остынь!

Не изменишь ты общих правил,
Несгибаем злодей Прокруст.
Кровь и разум. И оба вправде
Говорить. Из обоих уст

Слышу речи, которым внемлю.
Жар и холод — как два крыла,
Без которых и жизнь на Землю
Не спустилась бы, не пришла.

Неприхотливость

Жизнь сложилась неправильно, криво.
Начинать ее заново — поздно.
Я живу теперь неприхотливо
И к себе отношусь несерьезно.

Говорят мне: рукою махнула
Ты напрасно, еще бы могла бы...
Не могла бы. Судьба завернула
На такие горбы и ухабы,

Что пока выбиралась, устала,
Слишком рано устала душою
И для счастья какою-то стала
Непригодной, какой-то чужою

В этом мире, что хочет счастливым
Быть всегда и любой ценою.
На здоровье. А неприхотливым
Нужно утро с его тишиною

И тетрадь под рукой, и в сторонке
Жизни шум — пусть шумит понемногу!
И улыбка родного ребенка,
И его без ухабов дорога.

Сорока

Черногруда, белобока, —
Все взаправду, честь по чести, —
Хлопотливая сорока
Поутру приносит вести.

Все расскажет, все изложит —
Нелегка ее работа!
День прошедший подытожит,
Проведет разбор полета.

Церемониться не станет —
У нее хлопот немало!
Кратко молвит, строго взглянет,
И — как будто не бывало.

— Погоди, — кричу, — сорока,
Помоги советом мудрым!
Отчего так одиноко
Этим августовским утром?

Подскажи кивком утешным,
Коль помощницей назвалась,
Что там, в сердце опустевшем,
Сколько жизни в нем осталось?

Добрые люди

Эти милые *добрые люди*,
Как душевно они принимают!
Словно насморк при острой простуде,
Все нутро из тебя вынимают.

Как качают они головами!
— Одинока! — вздыхают с порога, —
Познакомить бы с кем-то... Не с вами,
Не с такими, как вы, ради Бога!

Впрочем, надо бы им улыбнуться,
Ведь душа их — потемки. Кто знает,
Может, правда, о ближнем пекутся,
Может, искренне счастья желают...

Оглянуться назад

1

Я уже не мечтаю, я даже мечтать не могу —
Не мечтается больше о нашей нечаянной встрече,
Долгожданной когда-то. А нынче, как школьник, солгу,
Если те же представляю на суд воспаленные речи.

Утекают все реки, и даже такая любовь,
Что равна была жизни самой и едва не убила,
Так, по капле, как жизнь, и ушла.
И представь, даже вновь,
И представь, не тебя и не раз еще сердце любило.

Пусть не так, как тебя, но лицо твое стерлось почти
Из насмешливой памяти. Чет обращается в нечет,
Плюс становится минусом, тает снежинка в горсти.
Время доктор великий, поскольку движением лечит.

2

Оглянуться назад — это значит вернуться.
Возвращаюсь. Встречает меня пустота.
От сервизов былых одинокие блюда
Сиротливо стоят на столе — разобьются,
Стоит дунуть на них. Раз за разом тщета

Все сильней проступает при этих визитах.
Ничего не вернуть, ни единых примет
Той шумливой реки.
Мы при ней как сизифы:
Все хотим удержать то, чего уже нет.

* * *

Как нестойки наши чувства!
Как некрепки наши мысли!
Словно ветром их несет.
День прошел — и стало пусто,
Дождь пошел — и лица скисли.
Ненадежный мы народ!

Хлипки, шатки наши скрепы,
И не вытянуть нам репу —
Мышь и та сильнее нас.
Лишь в минуту испытанья
То ль второе в нас дыханье
Открывается, то ль глаз

Начинает видеть третий.
Лишь когда затянут сети,
Выбьют дурь из головы,
Распрямив хребет согбенный,
Мертвой хваткою мгновенной
В жизнь вгрызаемся, как львы.

* * *

И птицы на ветвях, и светляки в траве,
И стайка детворы на новеньких качелях, —
Все говорит о том, что мысли в голове
Неверные живут, что вкус иных значений
Еще доступен мне, и тот веселый бог,
К которому близки лишь ангелы и дети,
Рад подсказать всегда иной какой-то слог
И убедить готов, что счастье есть на свете.

* * *

Точи, поэт, карандаши,
Пока есть время до финала!
Озвучивая жизнь души,
Ты спишешь их еще немало.

О настоящем, о былом,
О тайнах сердца сокровенных...
О да, конечно же о том,
Что чуждо фраз обыкновенных,

Что бытовая речь никак
Объять и выразить не может.
Про лед и пламя, свет и мрак,
И все, что исподволь тревожит,

Томит, терзает, бьет в набат,
Не нарушая ритмов внешних.
И разве в том ты виноват,
Что так безудержно, так нежно

В ответ неласковой судьбе
Твое возвышенное пенье?³
Пиши, поэт, стихотворенье,
Покуда пишется тебе!

* * *

Сохрани мою речь...
О. Мандельштам

Еще одно сгорело лето,
И губы шепчут: сохрани...
Мольба все та же у поэта,
Какие б ни стояли дни.

Какие б ни бежали годы,
Он повторяет, как в бреду:
— Моей души, моей свободы
Приемли, Господи, звезду!

Что было истинно и живо,
Пускай и вспыхнуло на миг,
Спаси от тленья, чтоб служило,
Как служит жаждущим родник.

Пусть все на свете изменилось,
Пускай другой пришел кумир, —
Храни, чтоб темень не спустилась
Совсем беззвездная на мир.

* * *

Я сказала себе: это жизнь моя
(Чем других она жизнью хуже?) —
Изучить это время от А до Я
И о нем рассказать ему же.

Пропустить это время через себя
(Станиславский бы мне поверил!),
Ненавидя его и о нем скорбя,
И боясь его пуще зверя.

Я сказала себе: это мой удел —
Стать одной под штыки и стрелы.
Но не знала я, сколько будет стрел,
До какого дойдут предела

Их бесчинство и низость, и наконец —
Их привычка вонзаться в спину.
Я сказала себе: это мой венец,
И авось, донесу, не сгину.

Кто-то должен же высказать, записать,
Не прогнуться, не стать инертным.
Но не знала я, каково стоять
В одиночестве этом смертном.

* * *

Милый город, смилуйся, отпусти,
Твоего мне не надо рая.
Не люблю самодеятельность, прости,
Не участвую, не играю.

Горла певчего мне поперек уже
Сладкий сон на твоих перинах
И довольство твое, и ленца в душе,
И акации в кринолинах.

Нет, акаций все-таки не отдам,
И подругу, волну морскую.
Добрый город, все-таки не предам
Колыбель свою городскую.

Но тесна колыбель, не попасть в струю,
Райских нег не сломать оковы.
Не люблю самодеятельность твою,
Да ведь нет ничего другого.

В нашем Болливуде

Словно в самодеятельном танце,
Где напор всегда важнее таланта,
Получили имя самозванцы,
Распустили перья дилетанты.
Стерлась грань, мерила износились.
Появился вдруг Пушкин — освистали б.
Потому и нет его. Смирились.
Притерпелись к серости. Устали.

Тормоза долой! Пишите, люди,
Кто о чем — бумага не краснеет.
Все на кастинг! В нашем Болливуде
Рады всем. Мычит, икает, блеет —
Все равно поэтом назовется
И получит премию, которой
Грош цена, как той строке, что вьется
Сорняком вертлявым вдоль забора.

Девочка, пишущая стихи

Берет из глянца темочки,
Читает Мураками
Тусовочная девочка
С прикидом и понтами.

Изысканна, как фрезия,
Прекрасна, как скульптура.
За ней — тома поэзии,
Века литературы.

За ней — моря безбрежные,
В обхват Вселенной целой.
В неведение безгрешная,
Их подлинную цену

Понять не может девочка:
Стиль — секси, вкус — конфетка,
И строчит швом отделочным
Гламурные салфетки.

Безрадостное чтение

Пишет губерния, пишет столица.
Станешь читать — только глаз утомится.

Слово бессильное не отзовется.
Пишется много, да сердце не бьется.

Сайтов, порталов не счесть в Интернете.
Словно в песочнице малые дети,

Здесь развлекается пишущий люд.
Слава тебе, виртуальный приют

Бедных поэтов, изгоев земных!
Господи, много ли спросится с них

На пепелище словесного бала?
Та, что царицей когда-то блистала,

Нынче невзрачнее девки дворовой.
К музам особенно время сурово:

Отняло все, обобрало до нитки.
Вывод один из безрадостной читки:

В цехе лирическом личность важна.
Нету ее — и словам грош цена.

* * *

Сколько пишущих, о Боже!
Строк и рифм, родов и видов,
направлений, настроений...
И надеяться смешно,
что в бурлящей этой гуще,
что в гудящей этой толще,
в этой дышащей пучине
кто-то вдруг тебя заметит
и рассмотрит, и оценит
по достоинству к тому ж.
Жемчуг ты на дне глубоком
или брызжущая пена,
или камешек обычный —
тот, которых миллион.

Глупо думать, что найдется
тот искатель благородный,
тот ценитель благодарный,
тот читатель дорогой,
что на труд твой беззаветный,
что на глас твой безответный
вдруг внимание обратит.
Думать глупо, но спасенья
нет от мыслей никакого,
но надежда тлеет в сердце,
будь ты жемчуг королевский
иль расхожая подделка,
или камешек невзрачный, —
даже он чего-то ждет!

* * *

Слышит слух так, видит зреньё, —
Не могу, и глупо врать,
Сетевое копошеньё
Я поэзией назвать.
А могу назвать я ею
Только то, чего уж нет, —
От чего горю, немею,
Звезд далеких вижу свет:
Не диковину какую,
Не обилье умных фраз, —
Силу грозную, глухую,
Втайне мучающую нас.

Молитва

На людях отчаянно шучу,
А в душе — то плачу, то лечу.
И молитву жаркую шепчу:
Господи, прими мою свечу!

Чтобы голова не подвела,
Лютая б тоска не извела.
Чтобы лебединые крыла
Одолели бремя ремесла.

Мужество

Творчество — не для всякого.

Творчество — для мужчин.

.....
Мужество — в каждом действии.
Или же — не пиши.

Е. Баранова

День ли, ночь ли — нет покоя,
На войне как на войне.
Дело выбрано мужское,
Значит, мужество в цене.

Значит, женские забавы,
Шпильки, шляпки, дурь и блажь,
Как-то даже не по праву,
Как-то даже не по нраву,
И творцу, коль мыслить здраво,
Не к лицу. На бордаж

Крепость брать тебе придется
Раз и два, и много раз.
Крепость Творчеством зовется.
Свыше дан тебе приказ

Не сдавать оплот небесный,
Что б там ни было вокруг —
Век ли злобный, путь ли крестный,
Сердца ль тяжек гулкий стук.

Ирония

*...коротким поводком иронии
удерживая жизнь свою...*

Ю. Михайлик

На чем и держится, неведомо порой.
Проснусь и думаю: все длится? неужели?
Крепка ты, жизнь моя, не попой, не игрой,
Но чем-то истинным. Крепка ли, в самом деле?

Ну да, наверное, — ведь чувствую, дышу.
К тому же мыслю — значит, точно существую!
А кроме прочего — иронией грешу,
И вот ее-то, как соломинку живую,

Меня связующую с жизнью до сих пор,
Пожалуй, выделю с поклоном благодарным.
Держи, ирония, меня — с высоких гор
Когда качусь, низинным воздухом угарным

Когда давлюсь. Не оставляй меня и там,
Где ждет последнее, безмолвное соседство.
Ты конкуренцию составишь и гробам,
Ты не предашь, когда устанет биться сердце.

Два конца

Есть у палки два конца,
Нету, чтоб с одним.
Есть изнанка у лица,
И неоспорим
Этот горький постулат
Наших зим и лет.
Чем внимательнее взгляд,
Тем сложнее ответ
На трепещущий вопрос
Выбора в судьбе.
Зорче око, выше нос!
Все равно тебе
Двух концов не миновать.
Посох взяв в поход,
Не заметишь, как хлестать
По спине начнет.
Был подспорьем при ходьбе,
Стал помехой вмиг.
Что б ни выбрал — все тебе
Явит темный лик.
Вот и думай день и ночь,
Как не прогадать.
Вот и помни, кто охоч
Весело шагать:
Краток срок веселых дней
На земном пути.
Как ни ярок свет огней,
Взоры обрати
При любых своих шагах
На вопрос цены.
Палками о двух концах
Мы окружены.

Шопен. Осенний вальс

1

Шопен. Осенний вальс. И — осень за окном.
Совпало все, сошлось, и не к чему придраться.
Гармония вошла небесной гостьей в дом.
Хочу ее просить подольше задержаться,

Но онемел язык от красоты такой,
И самый вид нелеп беспомощного жеста.
Лишь слушаю, смотрю, и звук течет рекой:
Шопен. Осенний вальс. Иллюзия блаженства.

2

Стихотворная строка —
Словно музыка Шопена:
И легка, и глубока.
И годов бегущих пена,
Как ее ни грозен вид,
Красоты не одолеет.
Как ни тщится, ни шумит, —
Не решится, не посмеет.
Не собьет высокий такт,
Не найдет к тому предлога.
Чтобы это было так,
Нужно, в сущности, немного:
Чтоб остаться на земле,
А не стать подземным тленом,
Надо в каждом ремесле
Быть хоть чуточку Шопеном.

К совершенству

Уж притихла, присмирела,
А и нынче жизнь как клеть.
Что за мука — то и дело
Невозможного хотеть!

Совершенства, идеала!
Пусть далек, недостижим,
Но при жизни брэнной, малой
Чем-то вечным и большим

Надо сердцу утешаться.
Чует, знает на зубок:
Здесь ему не надышаться —
Низок, тяжек потолок.

Не взлететь, не дать свободы
Крыльям — тянет жизнь ко дну.
Чтоб небес сияли своды,
Чтобы вдоха глубину

Сохранить, пусты старанья.
Божьей помощи не кличь,
Если нет в душе желанья
Невозможного достичь.

* * *

Тише, тише, надо спать в ночи.
Ну к чему опять в поток звучащий
Нам бросаться затемно? Молчи.
Жизнь не станет ласковей и слаще,

Если мы о ней поговорим.
Жалобой растрогаем друг друга,
Стойкую твердыню размягчим,
И симптомы давнего недуга

Вылезут наружу, как бронхит
От осенней хмари и простуды.
Тише, тише, вот уже щемит
Сгусток растревоженный. На чудо

Нет надежды — мы уже стары
Для чудес, так много в нас печали,
Что вдали летящие миры
Утешать нас сказками устали.

Утешенья неоткуда ждать,
В этом мире нет его тем паче.
Помолчи. Давай-ка лучше спать,
Лишь во сне все может быть иначе.

* * *

Ипускала дух давеча на тризне,
Нынче раскрываюсь вновь, как цветок.
Утро в путь зовет, как начало жизни,
Вечер входит в дом, как ее итог.

Первозданным мир поутру сдается —
Ни изжитых чувств, ни избитых слов.
Как легко, как радостно мне поется,
Словно в пору солнечных детских снов.

День вчерашний был или только грежу?
Зябким, отгоревшим чадит костром.
Но строка написана, буквы свежи,
И ее не вырубить топором.

* * *

Растет тревожная волна,
На вдохе сердце замирает:
Вот-вот и новая война
На мир обрушится. Истает

Надежд последних слабый свет.
Покуда светом этим живы,
Еще возможно ад и бред
Предотвратить, земную ниву

Еще не поздно засадить
Плодами, хлебом. Но, похоже,
Нас легче вытравить, убить,
Чем накормить. От смертной дрожи

Земля изныла — так дрожат
Пред оглашеньем приговора.
Вот-вот судьбу ее решат.
Ни вразумленью, ни укору,

Увы, не внемлют палачи —
От прочих этим и отличны.
Вот-вот и выстрелят в ночи,
И нас не спросят, как обычно.

* * *

«Ты прозу не напишешь никогда, —
Сказал мой друг, — ведь ты чужда интриги».
Не спорю с ним, действительно чужда.
Одни лишь поэтические книги

Свободны от коллизий бытовых,
Не требуют сюжетных построений.
Будь вечно чужд житейской прозы, стих,
Подальше от крикливых столкновений

Верши свой путь. Земных сует беги,
В комедий человеческих картины
Подробно не вникай. Не трусь, не лги
И гордо возвышайся над рутинной.

Но не забудь, от пут освободясь,
Хранить свою пронзительную страстность.
И сердца боль, и жизни сопричастность,
И с каждым днем ее живую связь.

* * *

Мне сказали: стройный стих,
Что язык гармоний знает,
Он в отличие от иных
Времени не отвечает.

Времени, чья рвется нить
Там и тут, в куски и клочья,
И в котором жизнь прожить —
Все равно, что поздней ночью

Меж бандитской слободой
И кладбищенским приходом
Под мигающей звездой
Продвигаться год за годом.

Мне сказали: режь и рви
Ткань стиха, как рвутся раны.
Я ответила: любви,
Лишь любви эпохе бранной

Не хватает, лишь она
Исцелит, сошьет и склеит,
И поэзия должна
В том помочь ей, как умеет.

* * *

А если не буду писать?²
Признаюсь вам честно: не стану
Ни вешаться, ни раскисать.
Тем паче — выпыгивать спьяну,
Где истина и почему
В вине ее нет и в помине.
Не буду писать, так пойму
Тогда уж весь ужас гордыни,
Внушающей грешные сны,
Толкающей грешников в пропасть...
Не буду писать — и весны
Шершавые кисти потрогать
Смогу без оглядки на их
Лирический образ. Отличий
От прочих созданий земных
Уже не имея и птичий
Язык постепенно забыв,
Жить стану спокойно и просто.
Ну, где он, высокий порыв?²
Где строчек веселая россыпь?²
Увы, их уже не сыскать.
Предчувствие тучей темнеет,
Что если не буду писать,
Тот голос во мне онемеет,
Что к жизни покамест зовет
И силы в душе пробуждает.
А если... то кто его знает,
Что, как и куда в ней пойдет.

Сентябрь

Сентябрь — и в листе уже первое золото
Виднеется, и отчужденной глядит
Небесное око, и сердце уколото
Проснувшейся болью разлук и обид.

Сентябрь — и разлучная нота все явственней
В притихшем, поникшем пространстве слышна:
Еще приукрашена щедрыми яствами,
Еще к опустевшему сердцу нежна...

Осень в Аркадии

Вечереет. На пляже просторно,
В полный голос рокочет волна.
Видно, роскошь Аркадии томной
В этот час никому не нужна.

Так безлюдно в прибрежных кафешках,
Будто все уже сыты навек.
Только юный ковбой в стиле *фэшин*
С аппетитом жует чебурек.

Только звук раздаётся нестройный,
Тихих дум прерывая струю.
Что там? Кто нарушает спокойный
Жизни ход в этом дольном раю?

Не тревожься. Он стекол не выбил,
Не пролил неповинную кровь.
Это знойная дама, подвыпив,
В караоке поет про любовь.

К морю

1

Если б не море, как жить в этом городе,
Больше похожем на пестрый вертеп?
Дух мой изгнанник, он в муке и в голоде,
Вид его странен и голос нелеп.

Он для вертепа модель непригодная —
Что ему игрища и кутежи?
К правде имеет он тягу природную
И нетерпимостью славен ко лжи.

Как меж лукавых, вертлявых обманщиков,
Мелких халдеев, шутов, травести,
Праздных кокеток, стареющих мальчиков
Крест свой достойно ему пронести?

Путь лишь один в этой южной сумятице,
Резвости, мерзости ушлых менял, —
К морю привольному. Тянется-катится
Каждая улица, каждый квартал

Этого города к шуму веселому,
К слову правдивому плещущих волн.
Если б не море, не быть бы спасенными
Истинным, искренним душам его.

Приморской вольницы мотивы,
Пера веселая сноровка,
И ощущение перспективы,
И строчек хлесткая концовка, —

Все продиктовано волною,
Моей подругою старинной:
Ее дыханьем, глубиною
И крепкой памятью былинной.

Тут не восторженность девичья,
Не романтические вздохи, —
Тут духа гордое величье
И связь с эпохою эпохи.

Тут разверзается пучина
Перед твоим пытливым взором
И тридцать три могучих сына
В обнимку с дядькой Черномором

На брег выходят, точно боги,
Не посрамив бессмертной лиры.
И открываются дороги,
Которых нет на карте мира.

* * *

Ничего не придумано,
Я такая и есть:
Осень холодом дунула —
Словно горькую весть

О времен окончании
Принесла в рукаве.
Я такая, с печальями;
Мне бы плыть по Неве

Гордой птицею севера.
Только паспорта цвет,
Буква, номер и серия —
От Украины привет.

А за буквою прячется
Юга пылкая дочь.
Я такая: проплачется
Сердце в темную ночь,

Изведется, болезное,
А наутро опять,
Словно солнце над бездною,
Продолжает сиять.

Язвы века высвечивать
Беспощадным огнем
И теплом обеспечивать,
Кто нуждается в нем.

* * *

Каждый день — как слиток золотой:
Думаешь, куда его пристроить,
Как сберечь, с текущей суетой
Не сравнять — ведь завтра будет стоять

Он еще дороже: пробежав,
Станет тем прошедшим, сердцу милым,
Где еще сегодня пыл и жар,
Утомленье, тяжесть не по силам...

Он еще бежит, еще горит,
Тешит, врет, посудую гремит,
К телу льнет, как тесная рубаха.
И пока не кончен, не изжит,
Не отделишь золото от праха...

В пространстве стиха

Мне вольготно в пространстве стиха —
Только в нем я легка и свободна.
В эти волны, как дама в меха,
Завернусь, по реке полноводной,
Как бывалый пловец, поплыву,
Слыша музыку в каждом движении.
Только в этом пространстве живу,
В остальных — суета, унижение,
Умножение печалей земных...
Суечусь, унижаюсь, печалюсь,
А меж тем уже кутаюсь в стих,
Им от бранных оков защищаясь.

Только эта защита сильна:
Эфемерна, прозрачна, ранима,
И для каждой стрелы уязвима,
И при каждом касанье нежна.
Но когда в наступление сама
Перейдет, подчинившись наитью,
Все оставишь — дела, чаепитья.
Этих копий несметная тьма
Все заставит забыть. Этот бой,
Это жаркое поле тетради...
Только здесь я и буду собой,
В этой строчной, бессрочной осаде.

Молитва

Дай, Боже, мне с общим потоком не слиться
Безжизненной мутной реки
И честью профессии не поступиться,
И свежим дыханьем строки.

Дай сил пронести мне высокую тягу,
А если надвинется тьма —
Мужаться, держаться, цепляться хотя бы
За стойкую зрелость ума.

В том сумраке времени непроходимом,
Которым так дух угнетен,
Храни меня, Боже, над чадом и дымом,
Веди меня тайным, неисповедимым,
Тебе лишь известным путем.

Особенности русской поэзии

1

И вовсе ей не нужен ум.
Стихий безудержных разливы,
Души мятущейся порывы, —
Вот это да!
Весенний шум

Идет-гудет землю русской:
Из темной глубины поднялся
И, что-то темное неся,
Страшит, томит.
В темнице узкой

Так пленник мается, как дух
В своем отечестве суровом.
Не властен ум над русским словом,
Всю гамму не охватит слух

Тех звуков, словно вихрь степной,
В тревожном воздухе гудящих;
Тех птиц, над звездами парящих,
Уйдя с поверхности земной...

2

Из мрака, из смуты,
из тайных тревог и волнений,
из ому́та темной и грешной,
и нежной души
приходят созвучья:
в них отсветы высших прозрений,
в них блики и тени,
и шепоты в гулкой тиши.

Высокие гости
с каких-то планет неизвестных,
они так земного,
так страстного чувства полны,
что только из глубей подводных,
из магий чудесных
могли появиться,
в преданьях глухой старины

могли зародиться.
Небесною силой хранимы
на нашей уставшей,
вконец обнищавшей земле,
они еще живы
и в пламени неопалимы,
они еще вспыхнут,
как жаркие угли в золе.

* * *

Я за чистое искусство,
не запятнанное ложью
и миазмами упадка,
и коммерческим душком.
Я за трепетные чувства,
что приходят с гулкой дрожью
и витают над тетрадкой,
и становятся стихом.

Я за вечное движенье,
бесконечный бой отважный
сердца, верного заветам
благородных русских муз;
за высокое служенье,
за упорный труд бумажный,
осиянный горним светом
чувства с разумом союз.

Я за пенье птиц веселых,
их полет неустрашимый,
за небесные потоки,
вдруг ожившие во мне.
И за ветром унесенный,
им гонимый, им хранимый,
белый парус одинокий
в предрассветной пелене.

* * *

Ах, лирика эта!
Прозрачнее света
и воздуха легче,
и чуда чудней.
Ах, сердце поэта!
Бытует примета,
что чем оно жарче,
тем слово верней.

Родные имена

Блок

И что мне Блок? Зачем я снова в нем
Ищу исход глухим своим тревогам?
В нем — высохшем, измученном, больном,
Не меньше прочих грешном перед Богом.

Что мне его туманы и шелка,
И то вино, где истины не боле,
Чем запаха у зимнего цветка,
К примеру? Но какая крепость боли!

Какая высота!.. Никто не спас.
Как воин пал, растерзан и раздавлен,
За этот щит меж двух враждебных рас,
Что за сто лет так страшно продырявлен.

Есенин

Мне с детства эта музыка близка,
Проникнутая нежностью и грустью.
Простой узор крестьянского платка
Той дышит, дореформенною Русью,

Еще в колхоз не загнанной силком
И городской спесью не убитой;
С речным простором, желтым ивняком,
Щекой, румянцем девственным покрытой...

Тарковский

Печать суровости, осиплости
На этом голосе глубоком.
Вот где прививка от красоты,
Вот кто слащавость звать пороком
Имеет право!

Дуб могучий

Так судит нашу худосочность,
Как этот стих — земной, колючий,
Войной испытанный на прочность.

Кушнер

1

«Времена не выбирают», —
Он сказал — и все смирились,
И полвека повторяют,
Словно мантру, и простились
Не с одной уже эпохой
Под затверженные строчки,
Утешаясь, если плохо,
Льдом лирической примочки.

2

Славы предков достойное,
С музой севера дружное
Это строгое, стройное
Петербургское кружево.
Цепью крепкою сковано
Не с изменчивой модою,
Но с платоновской школою
И с державинской одою.

Загадка гения

Что хотел этим Пушкин сказать?
Чем был Моцарт в минуту творенья
Озабочен?.. Откуда нам знать?
И зачем этот пир вдохновенья
Слабосильным умом поверять?
Все равно не доищешься сути.
Наслаждайся пока. Разузнать
Сможешь все не в обыденной смуте,
А за грешным порогом земным —
Там, где Моцарт, задорный как кочет,
Кривит рот над усердьем твоим
И, не выдержав, Пушкин хохочет.

Двое

И я бы хотела, как эти двое,
У которых все еще впереди,
Кивать прохожему головою,
Словно приглашая его — гляди,
Как хорошо нам на этом свете!
Он наш, он прекрасен, и в этом суть.
И я бы хотела на этой планете
Счастливей быть, ну хотя б чуть-чуть.
Завидовать? Нет! Я скорей бы стала
За них молиться — за их любовь:
Чтоб горькой участи не узнала,
Чтоб не согнулась девичья бровь
Непоправимой дугой разлучной.
Счастью завидовать — что за чушь!
Кратко как сон. Улыбнись беззвучно,
Хрупкого таинства не нарушь.

Разбитое сердце

Врачи, я читала, признали:
Разбитое сердце — не миф,
Не образ, который соткали
Поэты. Тому, кто, разбив,
Уходит с сумой за плечами, —
Уходит навек, насовсем! —
Скажите, врачи, на прощанье,
Что он от убийцы ничем
По сути своей не отличен,
И так же ему отвечать.
Хоть с виду пригож и приличен,
В душе — роковая печать.
О, горе — в такого влюбиться!
Я знаю, я помню тот час...
Сама становилась убийцей,
Сама разбивала не раз.

Старому приятелю

Твердишь, что это не любовь,
Что так сгорают лишь от страсти.
Довольно. Нынче уж готовь
К иному плаванью ты снасти.

Того кипенья кончен век:
Любви ли? страсти? — после бала
Что рассуждать? Тех мук и нег
Тебе ужели было мало?

Ты не насытился сполна
За годы цвета молодого?
Тогда не я тебе нужна,
А та, в которой чувства новы.

Она не станет различать,
Любовь иль страсть — ей все едино.
О, как ей будут докучать
Твои высокие седины!

Твой отвлеченный книжный вздор
Что ей, еще живой и жадной?
Ужели жизнью беспощадной
Ты не научен до сих пор?

О счастье

Кто счастья ждет, тот уязвим
И слаб пред жизнью, как ребенок.
Вот-вот разделается с ним:
Когда изнеженный, спросонок,
К нему потянется, уже
Мгновенье встречи предвкушая,
Кнутом махнет — и шрам в душе
Навек останется. Чужая
Уже, как мачеха, не мать,
Она не кончится до срока,
И он, как пасынок, блуждать
За нею будет одиноко.

А потому не жди — живи
Текущим днем, пари как птица,
И стрелам чувственной любви
Не позволяй в себя вонзиться.
Замену счастию найди
И будь судьбой своей доволен.
Несчастлив? Пусть. Зато не болен
Свербящей язвою в груди.

О нежности

Мне нравится тебе уже не надо,
Заботы нет о внешних пустяках.
Той пылкости восторженного взгляда
Я не ищущу в иных проводниках.

Той нежности, которой срок исчерпан,
Уже не быть. Но где-то в глубине
Шумит еще, и я — как виночерпий,
Еще глоток увидевший на дне.

Тихие песни

1

Близость — это возможность довериться,
Накопившийся груз разделить.
Степень близости тем и измерится,
Можно ль жаркую душу излить,

Не стесняясь, в жилетку поплакаться
И уткнуться в родное плечо.
Близость — это возможность не прятаться,
Не таиться, когда горячо,

Не бояться упрёка колючего,
От холодного взгляда не стыть.
Близость — это, прохладой не мучая,
От мучительной боли укрыть.

Так мне с дальнего берега видится,
Что сковал уже мраморный лед.
Так бормочет душа-ясновидица,
О несбывшемся тихо поет.

2

Мы с тобою уже не споем,
Я одна в колокольчик звоню.
Сколько нежности в сердце моем
К уходящему этому дню,

Ты один только мог бы понять,
Милый друг, нежный спутник души.
Но тебя мне уже не обнять,
А другие лишь тем хороши,

Что своею дорогой идут
И ничуть не волнуют меня.
Сколько нежности скрыто вот тут,
Знаешь, где. И немного огня

Остается еще — для того,
Чтобы пел колокольчик в груди.
Кроме песен, мой друг, ничего,
Ничего уж не ждет впереди.

На бумаге и в быту

1

Строчки — будто не мои:
И стесняюсь, и робею.
Вроде все уже умею,
Вроде в сердце соловьи
Не смолкают, а поди ж,
Как теряюсь перед светом:
В уголке сажу, как мышшь,
И всегда готова «Къш!»
Услыхать себе ответом.

2

Смелость? Какая там смелость?
Есть она лишь на бумаге.
Как разошлась и распелась,
Сколько веселой отваги
В сердце, открытом навстречу
Муке и радости всякой!
Только отважные речи
Сутью известны двоякой:
Произнесенные с жаром,
В сердце они оставляют
Неутоленности жало
И от людей отдаляют.
И отстраняют от мира,
И побуждают укрыться;
От громогласного пира
Спрятаться, отъединиться.

Век осенний, слог простой,
Мастерства открыты тайны.
Здравствуй, возраст золотой,
Благодатный, урожайный!

Для пера — так в самый раз:
И крылато, и умело.
А в быту — порою глаз
Не поднять. Вороной белой

Остаюсь и нынче, как
В детстве — робком, потаенном.
Все меняется, лишь знак
Белокрылости врожденной

До сих пор клеймом горит.
Все проходит. Остается
Этот душный детский стыд
Чужака, птенца, уродца...

* * *

...не бойся, брат, мы ничего не значим.

Б. Херсонский

Ничего не значит это слово:
Мир циничен, песен в нем чудесных
Не услышишь более. Сурово
Положеньё! Мастер дел словесных

Не волшебник нынче, а торговец,
В сущности, такой же, как другие.
У него одна на сердце горсть —
Колебанья рыночной стихии.

В мастерской своей он, как на бирже:
Мечется, следит — не прогадать бы!
Есть иные, что к народу ближе,
И у них своя, попроще, свадьба.

Всюду, всюду пищущие дамы —
Фрейлины, служанки, камеристки
При дворе Поэзии. Упрямо
Лист марают. Лучше бы к модистке

Заходили чаще, там им место.
Столь же неумны кавалеры...
Пирог безвкусны, вязко тесто,
Самомнением сдобрено сверх меры.

Есть иные, есть еще куда!
Могикане, мамонты... Волшебный
Им не чужд язык, доступно чудо
И противен сладкий тон хвалебный.

Солнцу устремляются навстречу,
Служат верно храму Аполлона.
Оттого сердца их, словно свечи,
Горячи, а речи — будто звоны

Всех церквей в минуту испытанья.
Может, грянут, мир переинчат?
Полно, эти пылкие воззванья
Ничего в нем более не значат.

* * *

Ах, эти разговоры,
Опасная зараза!
Исполненные вздора
Возвышенные фразы.

Кольшутся портьеры
В гостиной Аполлона.
Вперед, интервьюеры,
Поэт у микрофона!

В чем кроется идея?
Что этим вы сказали?
Какие лиходеи
Язык вам развязали?

Не от словес ли беды?
Не лжет ли эта пена?
О творчестве беседы
Есть оного подмена.

К чему о том трепаться,
Что ведомо лишь Богу,
И всеу расплытаться,
Не подведя итога?

Живи скромней на свете —
В трудах, не в разговорах!
Главней всего в поэте
Живого чувства порох.

Огонь течет по жилам,
Коль наделен ты даром.
Не праздным пассажиром,
А в топке кочегаром

Назначен ты. Дух страстный
В тебе, как ток высокий.
Для болтовни напрасной
Ты слишком одинокий.

Чудны и неуместны
В миру такие страсти.
В курятнике окрестном
Ты птица редкой масти.

Но есть другой — как светоч
Бессмысленно-коптящий.
Зовут Поэт Поэтыч.
Его встречаешь чаще...

* * *

Я не умею говорить речей
И складно врать согласно этикету.
Мое немного сердце горячей,
Чем принято: сподручней так поэту,
Живущему во мне, себя познать
И выразить; больнее так живется,
Но пишется вольней.

Разогреть

Мне кровь не надо — жар с небес дается.
И нет нужды в придуманных страстях,
Хмельных напитках, прочем вспоможенье.
У этой жизни каждый день в гостях,
Ее благодарю за приглашенье
И должное хозяйке воздаю,
И славлю красоту ее земную.
А срок придет — прощанья не миную.
Об этом помня, сердце отдаю
Без сожаленья.

Но не заглушить

Стучащей мысли каверзную прыть,
Что не смогу все выразить так полно,
Как в небе птицы, как морские волны,
Что не сумею их правдивей быть.

**Две строчки,
или
Кошмарный сон**

...И когда не спишь до света,
и когда тебе две строчки
мозг буравят беспощадно
вариантами своими,
повернувшись так и этак,
разорвавшись, раздробившись
и к утру усилием зверским
вновь сложившись наконец;
и когда, измучась схваткой
с их упрямым своевоьем,
я забудусь сном коротким,
зыбким, словно наважденье,
и коварным, как недуг,
мне приснятся те же строчки,
но в ином каком-то виде,
воплощенные в кого-то,
мне знакомого до боли,
до отчаянья, до спазма,
неотвязного, как бред.
Вероятно, это в шутку,
над бедой моей в насмешку
сном проявленные снимки,
на которых я узнала
их, мучителей своих.

Холодная осень

1

Дело все в холодной осени,
В небе пасмурном над городом.
Дождь налил большое озеро
Посреди двора, и гордые
От забот поникли головы,
Под зонты послушно спрятались.
И видны уж ветки голые
В буйных кронах.
Вот и вяпались,
Безнадежно, основательно,
В хмарь осеннюю, простудную.
Будьте, взрослые, внимательны,
Подрастают дети трудные:
Из размытых почв проросшие,
Из паров земного тления,
Не плохие, не хорошие —
Виртуальные растения.
Зябко до невыносимости!
Нам не жить уже по-прежнему.
Дело все в осенней сырости?
Если б только в ней, пережили б.

Как визиты к зубному врачу,
Эти дни, застудившие кровь.
В них себя на аркане тащу.
Что за пытка — проснуться и вновь
Уходить в этот холод и шквал,
Чтоб измучил, обжег, оглушил,
Чтоб до косточек самых пробрал,
А иначе — как будто не жил.
Нет, иначе и быть не могло:
Для того ведь и вертится ось,
Чтоб бездушной машины сверло
Пробуравило душу насквозь.

* * *

Тех тревожить не смейте,
Кто еще не готов.
Размышленья о смерти
Не для нежных умов.

Не для тех, кто невинен
И беспечен пока,
Эти крепкие вина.
От глотка до глотка

То ли век, то ль минута, —
Не понять иногда.
И влечет почему-то
Неизвестно куда.

И небесные дали
Манят больше земных.
Те еще не страдали,
Кто не думал о них.

* * *

Так бывает, что жизнь проживаешь за год:
Пишешь-пишешь, исследуешь тайное дно,
И бескрайний тебе открывается свод,
И из солнечных лоз ты смакуешь вино.

Так тыходишь во вкус, что не в силах отдать
Этот жаркий глоток хлопотливому дню.
Но слышны голоса: мол, не век же писать
И не день же деньской поклоняться огню.

И под хмелем еще, учащенно дыша,
Ты выходишь из волн, не держась на ногах.
Но на дно слишком часто ныряла душа
И не помнит, как жить на крутых берегах.

* * *

Затихает музыка над ухом,
Больше ни ползвук не слышать.
Как же без нее? Пером ли, пухом,
Крохотной былинкою ли стать?

Мотыльком — беспечным, однодневным,
Чтоб никто при встрече не узнал
И своим участием душевным
Эту ранку не расковырял.

Эту одинокую никчемность,
Ибо что без музыки поэт?
Слабость, неустроенность, проблемность,
Бесполезность тянущихся лет.

* * *

И это жизнь?
День следует за днем,
Безрадостно, как будто из-под палки.
Должно быть, не хватает мне смекалки
Его украсить праздничным огнем.

Всю дань с меня собрало ремесло;
Все выжав соки, свежего порыва
Вновь требует.
Как в прорву все ушло...
Безрадостно, а впрочем, терпеливо

Ташу свой воз.
Мой скрашивает путь
Той мельницы прожорливой верченье:
Забрала все. Оставила лишь суть
И к творческому поиску влеченье.

* * *

Пусть ветром листва колышется,
пусть просьба моя услышится
и вложится звук в уста.

За то, что пишу как дышится,
за то, что живу как пишется,
за то, что душа чиста.

* * *

А тем, кто скажет, что несовременно
Пишу и мыслю, я отвечу так:
Пока на мелочь слово неразменно,
Пока духовный пламень не иссяк,

Я буду петь; смахнув с волны высокой,
Как пены клоч, постмодернистский бред,
Я вглубь уйду тропею одинокой,
Я ввысь взлечу, небесный видя свет.

И от него возьму себе частицу,
И загорюсь от солнечной струи,
И время отразившие страницы
На суд представлю высшего судьи.

* * *

А осень в золоте меж тем
Пришла, красавица.
И нет забот, и нет проблем, —
Мне просто нравится

Смотреть на прелести ее,
Шуршать листвою.
Богатство скромное мое —
Чуть-чуть покоя.

* * *

Скупая и хмурая осень,
Без лирики нынче пришла.
Стихов не дает и не просит,
Но ход потаенный нашла

Я меж коридоров пустынных
И опочивален глухих.
Таких изысканий настырных,
Быть может, мой маленький стих

Не стоит, но все же, но все же
Как осень не встретить строкой?
Мир рухнет на смертное ложе,
Лишь стоит махнуть нам рукой,

С его нищетою смириться,
Уткнуться в его глухоту...
Нет, все-таки биться, молиться,
Стоять за его красоту!

* * *

Этот вид за окном: сколько лет, сколько зим
Созерцаю его. Эти окна напротив:
Поутру я киваю приветливо им —
Не кому-то конкретно, а так, по природе,

По привычке здороваться с миром земным,
Будь он ближний иль дальний,
Дурной иль пригожий.
Мы покуда еще неразлучные с ним,
Не сносила душа к ней приросшую кожу.

Не настал еще срок отрывать, разрывать
Все привычные связи, и дружбы, и путы.
Значит, будем с улыбкой друг другу кивать,
Чтоб враждой не испортить ни дня, ни минуты.

Если верить Толстому

Если верить Толстому, покой есть душевная подлость.
Если верить ему, надо до ночи землю пахать
И из дома бежать, и с Создателем яростно спорить,
И нещадной аскезой либидо свое укрощать.

Если верить Толстому, семья — это адская пытка,
Где сгорают живьем. Лишь идея всеобщей любви
Движет душу к небесным вратам: что ни слово — попытка
Новый Спас возвести на безвинной народной крови.

Если верить Толстому, Россия — огромная чаша,
Где всего и в избытке до самого края полно:
Как нелепо Безухов чудит, что за прелесть Наташа,
Сколько смысла в коротком названии Бородино...

Последние новости

Дмитрий Быков сказал, что читают его
«хомяки сетевые».

— Лишь они, — безнадежно вздохнул, ничего
не добавив впервые

про друзей-демократов, про то, что готов
новый стих о тиране...

Не читают, — сказал, — больше не было слов —
толстых книг россияне.

Борцы за культуру

Мой бог, в какую скрыться даль,
Когда повсюду драка?²
Борцы за вкусы и мораль
Опять идут в атаку.

Их гневных пафосных тирад
Пошлее и глупее
Что может быть? Как на парад,
Брящая португеей,

Они выходят, моду взяв
Сражаться за культуру.
Свой пишут кодекс и устав.
(Так бесталанный костоправ
Вправляет выпавший сустав).
Что ж, дураки и дуры

Не переводятся, увы,
Какой бы век ни длился.
Так безнаказанно резвы,
Что мысль нейдет из головы:
Ах, с ними б кто сразился!

О, спорт...

Шагаем к цели твердо,
Бесстрашны и красивы.
Спортивные рекорды —
Вот новый бренд России.

Пускай жирует банда,
Пусть беспредел повсюду, —
Важнее пропаганда
В формате Голливуда.

Прощай, страна советов,
Твой опыт сир и скромн.
Hello, страна атлетов
И глянцевого героев!

Возрадуйтесь, внимлите,
Ликуйте, россияне!
А надо, так умрите
В спортивной этой брани.

Болейте до упаду,
Загоним нашу клячу!
Грядет Олимпиада
Как жизни сверхзадача.

Пускай сосет глубинка
Свою медвежью лапу, —
У нас идет разминка,
Щустрей, головотяпы!

Догоним, перегоним,
Возьмем свое по праву
И знамя не уроним
Спортивной сверхдержавы.

Ведь спорт всему основа,
Давай, давай, Россия!
Ах, если бы для слова
Хоть треть таких усилий...

* * *

Кто скажет мне, ужалив как змея,
Что родина Россия не моя,

Что разные теперь у нас пути,
Что мне в Европу надобно идти

И, отделившись бездною границ,
Роднею звать чужих каких-то лиц, —

Кто скажет мне, что это может быть,
Что нас навек возможно разделить

Одним движеньем подлого пера,
Что может эта грязная игра

Достигнуть рокового рубежа, —
Кто скажет мне об этом, я, дрожа,

Тому ответчу, сердца не тая,
Что как мне жить тогда, не знаю я.

* * *

Пока живем еще, на грани
Распада и долготерпенья.
Уже видны на заднем плане
Сигналы — то ль освобожденья
От кабалы двадцатилетней,
То ль на живые наши души
Атаки гибельной, последней.
Товарищ, друг, земляк, послушай!
Не спи в тревожную годину,
Склони главу в моление строгом,
Пока идет за Украину
Борьба меж дьяволом и Богом.

* * *

А кто ж еще? Лишь русская душа —
Тревожный пульс изменчивого мира.
Взволнованною птицею кружа
Над ним, его дымящиеся дыры
Оплакивает с горечью такой,
Такой бескрайней нежностью искрится,
Что нет на свете попросту другой,
Чтоб так могла на чувства не скупиться.

* * *

Не говорите мне про одиночество,
Не тратившие сердца до конца!
Из детских слез, из тайных мук отрочества,
Из юности, которая борца

Ковала из меня — не деву томную,
Из гиблых лет я родом, из руин
Большой страны: дымилось небо темное,
И, согнутых не разгибая спин,

Большой народ мельчал до основания,
Трепал по швам и насмерть враждовал.
И в этот час познать огонь призвания!
И в эту пору взяться за штурвал

Лирического хрупкого суденьшка!..
Ну как тут не разбиться, не пропасть?
Ну как тут не растратиться до доньшка —
Тебе в угоду, пламенная страсть?!

Не говорите мне про бремя тяжкое,
Не жалуйтесь, что жизнь нехороша.
Как рана, под изношенной тельняшкой
Пылает одинокая душа.

* * *

За невесомостью кружев лирических
Столько пластов с вековой глубиной!
Что ж за поэт без историй трагических?
Что за художник без муки земной?

Много накоплено звуков мучительных,
Красок пронзительных полон запас,
Как закрома у хозяек рачительных.
Многообразие радует глаз

Творческий: страстью зажженный неистовой,
Свет отражающий солнечных нег,
Жадный до сладости меда душистого,
К горькой смоле прикипевший навек.

Кому сказать...

1

А жизнь все та же что ни день:
Не сплю, скулю, стихами маюсь.
Кому сказать, что этот пень
Березкой был, что эта малость —

Остаток жалкий чувств больших...
Кому сказать и кто услышит
Сегодня исповедь души?
То, чем живет она и дышит,

Ее лишь дело, да еще
Того, кто в мир ее отправил.
Земное чуткое плечо
Он ей в поддержку не подставил,

Зато небесный свой призор
Осуществляет непрестанно:
Не для того, чтоб жить — чтоб сор
Житейский вспышкой спонтанной

Переплавлять в высокий слог:
Чем чище звук, чем ритм точнее,
Тем с ритмом жизненных дорог
Соединить его труднее.

2

Всю жизнь — меж небом и землей,
Раздваиваясь под пилой
И бормоча за словом слово.
Всю жизнь трепещет, как свеча,
Душа: верхушка горяча
И несгораема основа.

Сказки осени

1

Ах, осень! Уже ничего не попишешь —
Урон принесла, расплыла повсюду.
Как, сердце, ты тяжко, как горестно дышишь!
С осеннего блюда

Берешь еще вина, плоды наливные
И все, чем хозяйка щедра и богата.
Меж тем времена наступают иные:
Аскеза, расплата,

Суровые будни земли опустевшей,
Души, без тепла одичавшей.
Ах, осень, ничто эту боль не утешит.
Свети же! Последнею чашей

Вина золотого меня угощая,
Последнею балуя лаской.
Иди же! Последним листом облетая,
Последнею сказкой

О счастье земном усыпив на прощанье,
Засыпав стихами.
Лети же! Пустого не дав обещанья,
Не скрипнув, не щелкнув замками...

Все ходит и ходит за мной человек, —
Не бойтесь, не черный!
Но взгляд из-под полуопущенных век
Такой обреченный,

Такая в нем мука земная и скорбь,
Что нет мне покоя.
Беспечному миру — негласный укор,
Он машет рукою,

Он ищет свиданья. Чем осень бедней
В своем выраженьи,
Тем ближе подходит, тем сердцу больней
Его приближеньи.

Было время...

Когда-то было время: всех любила,
казалось мне, что целый мир утешить
сумею я, что сердце безразмерно,
всех страждущих способно обогреть.
По первому их зову в путь пускалась.
А часто и без зова, на ходу
себе внушая, что нужна, как воздух,
кому-то, кто вполне бы обошелся
без моего незваного участия.

Но столько было жара в глупом сердце,
что все ему казалось мало, мало;
еще любить, еще пылать хотело,
все глыбы ледяные, вековые
враз растопить своим огнем — не меньше.
К чему? Зачем? Ну разве знает пламя,
зачем оно горит?..
Стихи плохие,
чей смысл сгорал и ничего не значил,
писала без конца, взалхлеб, не в силах
остановить поднявшуюся бурю.

Промчались годы, и остановилась
сама, и по местам
расставила все жизнь.
Не то чтоб вовсе
тот пыл иссяк, но сердце поумнело.
«Не навреди»,
«Не рань»,
«Не стань помехой», —
теперь я знаю, в незамысловатых
коротких этих фразах суть любви,
а вовсе не в метаньях тех горячих,
от юных грез и чувственных излишков
приистекавших.
Нынче я люблю
Господний образ.
Ценность человека
как Божьего творения превыше
всех ценностей, всех смыслов многосложных.

Не умалить ее, не оскорбить
небрежным словом, мыслью горделивой —
вот главная задача той любви,
что, верно, и зовется христианской —
единственной, что тленью не подвластна
земных костров и прихотей минутных.

Все остальное — суета мирская.
Все остальное — страсти роковые.
А хуже их — гримасы лицемерья
и тот елейный вкус прекраснодушья,
любви ко всем, всеобщего лобзанья,
который мне особенно противен
своей фальшивой, выпренною нотой.
Так иногда плохие музыканты
терзают слух бездарною игрой.

А впрочем, что до них мне? Я сторонней
иду дорогой.
Путь лежит далекий.
Хоть одинок мой голос и надломлен,
фальшивых нот в нем самый злобный критик
при всем своем желанье не найдет.
Слежу за ветром, птицам подпеваю
и в прошлое заглядываю часто.
И к глупым тем стихам, и к дням безумным
питаю нынче слабость, как к младенцам,
чья громки крики и рыданья бурны,
чья прелесть вся — в естественности полной,
в животном обаянии природы,
не знающей ни смыслов, ни задач.

В свой черед

*Блажен, кто смолоду был молод,
Блажен, кто вовремя созрел...*

А. Пушкин

1

Удел блаженных — пылкая влюбленность,
С разливом чувств, с разлетом юных крыл.
Отдаст душа мятежный этот пыл
И лишь затем получит отстраненность
От тех страстей, что смолоду влекли.
Блажен удел той зрелости неспешной,
Что в свой черед приходит неизбежно,
Как к пристани приходят корабли.

2

Ах, только б, только б в свой черед,
Не раньше, не позднее!
Стоянью льдов, теченью вод —
Всему свой срок.

Честнее

Тогда душа, полнее слог
Божественной свободы.
Она — движений тех итог,
Что с ритмами природы
Не разошлись.

Кто верен им,

С дороги тот не сбился.
За то и Господом храним,
Что в сроки уложился.

Воспоминания

Жизнь повернулась тысячами граней
И убралась гирляндами огней.
Чем больше лет, тем сад воспоминаний
Обильнее, тем кроны в нем пышней.

Разбужены, украшены, как в праздник,
Той нежностью, что ноет о былом,
Они томят, и мучают, и дразнят,
И снова под лирическим пером

Плоть обретают — теплую, живую.
И снова рядом те, кого уж нет,
И я, как прежде, в губы вновь целую
Того, кто нынче — высохший скелет.

* * *

Отпущен дар мне — весело гореть,
Присуща слову детская спонтанность.
Случись иначе — как тогда стерпеть
Зброшенность свою и безымянность?

И горечь одинокого пути,
И ужас мирового запустенья
Как вынести, когда б не это пенье,
Не птичья эта музыка в груди?

Веселые пылают языки,
И я подчас себе же удивляюсь:
Откуда эта легкость у строки?
Сама ведь в три погибели сгибаюсь

Под тяжестью печалей и скорбей.
Как зверь, в ловушку загнана, а слово
По-прежнему свободно, хоть убей,
Хоть изничтожь совсем — родится снова.

* * *

А если рождаешься русским поэтом
В то время, когда только рожки да ножки
Оставила жизнь от поэзии этой
И моду ввела на другие одежды?

А если к тому же живешь за границей
С единой душою, на два не делимой,
Что бьется в капкане небесною птицей,
Тревожной, мятежной и слишком ранимой?

А если никак не затянется рана,
Все ноет и ноет на сердце горячем?
— Терпи, — отвечают, — подумаешь, драма!
Поешь — значит, голос еще не истрачен.

Лишь это и важно, уж после — границы,
Эпохи и нравы, течения и моды.
Коль ты в самом деле небесная птица
И знаешь, что значит дыханье свободы...

* * *

...И вовремя уметь закончить стих,
Как отношенья, что себя изжили.
Не длить формально, чтобы тех, живых
Минут, когда действительно любили,

Не запятнать, не затоптать теперь.
О, как легко, коль сердце охладело,
Былое оскорбить! В ряду потерь
Всех горше, всех больней меня задела

Потеря чистоты начальной той,
До всех разрывов, разочарований,
Без задней мысли, с детскою мечтой
И полнотой невинных упований.

Уж след ее простыл. Утомлена,
Отравлена душа тоской горючей.
Такая, видно, зрелости цена
И опытности...
Сколь себя ни мучай,

Не воскресишь тех высей золотых,
Вновь не поверишь в прежние мечтанья.
О чем, бишь, я? Ах, да, закончить стих,
Пока он полон свежего дыханья.

* * *

На нитку бусины нанизаны,
Окончен труд, азарт исчез.
Так я к стихам уже написанным
Теряю всякий интерес.

Горело, млело, ныло, мучило,
А вот, поди ж ты, все прошло.
И миновало неминуемое,
И роковое отцвело.

Так что же творчество? С привычкою
Его сравнить? С огнем страстей?
Не знаю, право.
Серой птичкою,
На волю выпустив детей,

В тени скрываюсь, ученицею
Вступаю в следующий класс,
Чтоб в небо выпорхнуть жар-птицею
И засиять в урочный час.

Без лишних слов

Становлюсь все суровой,
Лишних слов не люблю.
Каждый стих — капля крови.
Только так. Веселю
Шуткой ближних и дальних,
Но в работе строга.
Нежных чувств увяданье,
Вечных рек берега, —
Вот лишь малая доля
Тех мучительных тем,
Тех источников боли,
Тех высоких фонем,
Что выходят наружу,
Словно дети на свет.
От лирических кружев
Проку, скажете, нет.
Но плету их упорно —
Для того, может быть,
Чтоб не скучно, не вздорно
Жизнь земную прожить.
Чтоб вести неотложный,
До скончания дней,
Спор с эпохой ничтожной,
Не склоняясь перед ней.

Без оптимизма

Нет, я, увы, не оптимист,
Я знаю, мир не станет лучше.
Я в нем не деятель — артист
И не ищу благополучья,
И не иду за счастьем в бой.
На жизнь, увы,зираю хмуро:
Печален путь ее любой.
Бодры аккорды увертюры,
Надежд исполнен первый акт,
Но с приближением финала
Усилий надобно немало,
Чтоб попадать, не сбившись, в такт
И, как дитя, не уповать,
Что может что-то измениться.
В конечном мире не страдать?
Ну что ж, попробуй ухитриться.

Печать опустошенья

1

Путей не выбираем — где уж нам?
Ни воли в нас, ни дерзости исканья.
Уже привыкли к нищенским пирам,
Уже не горек привкус угасанья.

Других не знаем — нам и он хорош,
С оттенками уныния и тленья.
Иные пишут: маленький, как вошь,
Снует писатель в мире потребленья.

Не обольщайся благородным лбом,
В толпе мелькнувшим. Вывод непреложен:
Печать опустошенья на любом,
И всякий дар, когда он есть, — ничтожен.

2

Ни в чем покоя нет уму,
Не знает сердце утешенья.
Никто не нужен никому,
Когда царит опустошенье.
Дитя изломов и потерь,
Я смертный холод чую клеткой.

Конец охоте. Загнан зверь.
Ты победило, время. Веткой,
С которой пал последний лист,
Себя все чаще ощущаю.
Как перетруженный артист,
Схожу со сцены. Различаю
Еще сюжеты прошлых драм,
Но в полутьме пустого зала
Все тише отзвук старых ран,
Все ближе катарсис финала.

3

Эти строчки можно вполне назвать
Гимном стойка в мире шатком.
Можно, впрочем, и вовсе их не писать —
Кто заметит?
За тем упадком,

Что растлил уже души, разъял сердца,
Как за дымною пеленою,
Не черты лица, а черты конца
Проступают.
Еще весною

Дышит стих мой. Последний, быть может, вдох —
И умолкнет.
Поймите, люди,
Был он вспышкой света во тьме эпох,
Что-то знал он о Божьем чуде.

Осенние скрипки

1

Заньли осенние скрипки,
Прощальную песню запели.
Как дни эти кратки и зыбки,
Как к сердцу они прикипели
Своею щемящею нотой!
В ней жалоба нищей природы,
Ее перед зимней дремотой
Последние блеклые всходы.

2

Браво, скрипки осени, играйте!
Время вам выстукивает счет.
Все мгновенно. Никаких гарантий,
Что сыграть получится еще.
Но пока не кончилось мгновенье,
Бьется в жилах творческая кровь:
В каждом такте — с жизнью единенье,
Крепкое, как вечная любовь.

* * *

Еще чуть-чуть и осени конец,
Еще одной, дай Боже не последней.
Незванным гостем топчется в передней
Зимы грядущей маленький гонец.

Еще его расплывчатые черты,
И узкою полоской золотится
Осенний день.
Кольшутся страницы,
И повесть недосказанная длится,
Страшась, как смерти, зимней немоты.

* * *

Даров последних искусительная сладость
Тем, что последняя, особенно сладка.
Так сердцу свойственно:
Печаль сильней, чем радость,
В нем отзывается. А осень тем близка
Еще, что Болдинская, с речью вдохновенной,
Подруга верная с младенческих времен.
Так повелось: поэт в России непременно
С подругой-осенью навек соединен.

* * *

Что-то милое, теплое, близкое,
Что-то сердцу родное до боли
В этой жалкой, унылой, безлиственной
Поздней осени. С севера, что ли,
Потянуло есенинской нежностью
К бедной родине, полной стыда,
Что с безбрежностью и безнадежностью
Так рифмуется складно всегда.

От пристани белой

Все дальше от пристани белой по имени Детство.
Хоть было не самым счастливым оно у меня,
Хоть злая тоска поселилась уже по соседству
И гадким утенком на хлопоты шумного дня

Взирало дитя из угла своего, и на птичьем
Дворе задыхалась, не зная причины, душа,
А все-таки с ясным еще, беззаботным обличьем
Мерецилась жизнь: неосознанна и хороша

Открытым своим, безграничным, как море, простором,
На пристани белой меня обнимала, смеясь,
И тем наделяла недремлющим пристальным взором,
Что ищет поныне времен ослабевшую связь.

Темные воды

1

В обычной семье родилась —
Ни певчих, ни аристократов.
С высокой поэзией в связь,
От шепотов и до раскатов,

От ливней ее грозových
До засухи дней окаянных,
Вступила случайно. Мой стих —
Из нынешних, из безымянных,

Затерянных в общей толпе
Наследников знатного рода.
Тоскливо бредет по тропе
Безвестности, в темные воды

Его обступившей реки
Уходит, зажатый в тиски,
С ней споря, хоть споры напрасны:
Всем жаром, всем складом строки —
С лете́йским дыханьем бесстрастным...

Порой такая нахлынет жалость
К природе бедной, к бездомным псам, —
Точь-в-точь пружина в груди разжалась
И сердце волю дало слезам.

Их столько исподволь накопилось,
Что всех оплакать достанет. Слог,
Провозглашавший неколебимость,
Устал, отчаялся, изнемог.

Рекой горючей разлился, дышит
Тем запустеньем вся земля,
Что только плачущий и опишет,
А те, веселые, не смогли.

А те, здоровые, не сумели
Ответить сердцем эпохе зла:
Ее недугами не болели,
Ей в душу темную не глядели,
Вот и щебечут, как жизнь светла.

В ускоренном ритме

Осень пишет полотна —
Значит, к смерти готовься.
Стало сердце холодным,
Не стремящимся вовсе

Ни к теплу, ни к уюту,
Ни к пределу земному.
Каждый дом как каюта.
Но пока к мировому,

Роковому крушенью
Мы плывем обреченно,
Есть у сердца мгновенье,
И, дыша учащенно,

И в ускоренном ритме
Жить оно продолжает.
Шепчет рифму за рифмой —
Точно SOS выбивает.

В дыму
(Ноябрь 13-го)

1

В густом дыму просвета не видать,
Жизнь продолжает резать по живому,
И нечем мне эпоху оправдать,
Приведшую к распаду корневому.

И негде в ней пристанище найти.
Одно осталось: в час безумных оргий
Божественное слово пронести.
Когда гурьбою вражеские орды

Идут на все, что дорого душе,
Когда опять беснуются майданы,
Свой пост занять на крайнем рубеже,
Превозмогая ноющие раны.

2

Опять о свободе запели сирены,
И, юных голов не щадя,
Костры запылали, суля перемены,
На шумных твоих площадях,

Украйна, окрайна великой державы,
Изменница, к подлым торгам
Привыкшая, дама продажного нрава.
Твоим тараканьим бегам

Не видно предела. Кому же продаться
Сегодня? Решай поскорей,
Чтоб нам отдышаться, чтоб нам оклематься
От лжи непрерывной твоей.

1 декабря 2013 года

1

Все утонуло в мелочах,
Схож потребитель с рыхлым фавном.
Дух человеческий зачах,
И не с кем говорить о главном —

О Родине и о любви,
О том, что дорого и свято.
Уже пол-Киева в крови,
Вот-вот и брат пойдет на брата.

А мы все то же — курс валют,
Ассортименты, рынки сбыта...
Пылает спор и там и тут
Один — за место у корыта.

Но в двух шагах от мелких зол
Большое ширится безмерно.
И недогадливый хохол,
И европеец лицемерный

Падут в кипящие котлы,
И тот, кто в роли был кумира,
Оставит горсточку золы
От потребительского пира.

2

Сама земля исторгла этот стон,
Запекшимися вымолвив устами,
Что свастикою Киев осквернен
И ослеплен дымящими кострами.

Послушайте, кто есть еще живой,
Чей ясен ум и взор не застлан дымом!
Сама земля из глуби вековой
Предупреждает о непоправимом.

«Меж двух враждебных рас»

1

Расслышать бы сквозь смуту Божий глас,
Воинственные сбавить обороты,
Чтоб этот щит меж двух враждебных рас —
Россией и Европой —
Вернуть туда, где должно быть ему,
Не сжечь, не растоптать, не продырявить
И в хаоса убийственную тьму
Бездушную рукою не направить.

Если это раскол, то скорей бы, скорей бы
 В лоно матери той, чей язык и душа.
 Если время пришло, то какой грамотей бы
 Мне сказал, отчего так колеблется шаг
 По дороге к нему, к вожделенному лону?
 Может, вовсе не ждет и не шлет мне призыв?
 Может, пала листва с той раскидистой кроны,
 Что Россией зову, и от мощи зеленой
 Нынче только и есть, что душа и язык?..

* * *

Чур, чур меня! Душу мою
 Минуй желто-синяя стая!
 Я родину не предаю
 И веры своей не меняю.

Пусть сумрака не разгоню,
 Пусть сердце печали изгложут,
 Но русскую речь сохраню,
 Как сам россиянин не сможет.

У ближнего края стою,
 Никак подкрепленья не видя.
 Веселые песни пою
 И вовсе на тех не в обиде,

Что бросили братьев своих,
 Как будто чужие им стали,
 Совсем беззащитных, одних,
 В дыму русофобских восстаний.

* * *

Придут и скажут: откажись
От матери своей.
Раскрепостись, освободись
От вековых корней.

В счастливый мир, в свободный мир
Укажут краткий путь.
Как в мышеловке сладок сыр,
Как ароматен — жуть!

Прими, кусни, не откажись
От европейских благ!
За мир свой прежний не держись,
Что в нем — один ГУЛАГ,

Имперский плен, советский крен...
Стряхни бывшего прах,
Для новой жизни встань с колен!..
Так молвит хитрый враг.

А что же друг, а что же брат,
С которым мы одно?
Молчит, томит, не сводит взгляд,
Как будто он в кино...

**К вопросу
о «чистом» искусстве**

1

И снова надвигается орда
На отчий дом, на млечные просторы.
И снова мне от боли и стыда
Не спрятаться. А эти разговоры,
Что, дескать, вне политики поэт,
Себе оставьте, милые созданья.
Блюдайте свой сусальный этикет,
Не ваш удел душевные роптанья.
И сопричастность вздыбленной стране —
Не ваша роль.

    Под бледную звездою
Не знайте бед, живите как во сне,
И «милоту» рифмуйте с «лепотою».

2

О вечном, о вечном, о непреходящем
Пиши, как умеешь, поэт.
О тяготах бранных, о мире пропадаем
Тебе распинаться не след.

Мгновенные страсти, горячие вести,
Конечно, не суть бытия.
Но если восходит к понятию чести
Житейская вся колея,

Но если важнее понятие «совесть»
Абстрактных фантазий и грез,
Становится вечной о временном повесть
И самый обычный вопрос

Звучит как насущный, и с поля сраженья,
Тем четче, чем яростней пруть,
И ныне и присно в минуты смятенья
Доносится «быть иль не быть?»»

* * *

Если ветер гневно дует,
Если сердце негодует,
Если слово — средство боя,
Жаркой схватки острие,
Не от праздного каприза
Эта страстная реприза —
От основной, кровной боли
За родное, за свое.

* * *

Все тише голос муз, все пушек вид страшнее —
Вот-вот и заведут грохочущую речь.
Куда идем, мой друг? Какою эпопею
Готовит нам судьба? Что киевская сечь,

Поднявшись на дыбы, нам нынче показала?
Что пешки мы с тобой в игре больших господ.
Какие песни, друг, какие идеалы?
Затоптаны давно и пущены в расход.

И все ж звучит одна — из той войны народной,
Когда и стар и млад в едином шли строю.
Она о том, мой друг, что ярость благородна,
Когда приходит враг на Родину твою.

* * *

Взлет и спад, пинки и почести, —
Все проходит под луной.
Остается одиночество —
Душ небесных крест земной.

Под пятой его огромною,
Что никак не обойти,
Остаются мысли темные
О неправедном пути,

О страстях, вокруг вскипающих,
И о тех, что в глубине,
То и дело оживающих
И сгорающих во мне.

И у края у переднего,
Дымом Родины дыша,
Остается до последнего
Страстотерпица-душа.

Вопреки

Если ты настоящий,
Все в тебе вопреки
Этой жизни пропащей.
Потому лишь легки,
Высоки оттого лишь
Звуки лиры твоей,
Что души не неволишь,
Что, заботясь о ней,
Поперек обстоятельств
Остаешься собой.
Обходясь без предательств,
Не торгуясь с судьбой,
Не считая затраты,
В четком ритме строки
Держишь путь — без возврата,
Что ни шаг — вопреки
Бездорожью, как будто
Вырастая в ходьбе,
Без претензий к кому-то,
Без поблажек себе,
Через склоны и чащи
Переменчивых дней.
Если ты настоящий
В каждой мине своей,
Значит, ясно все было
С юных лет для тебя:
Вопреки, через силу,
Лишь души не губя.

Молитва

Мой Боже, пока все устроится
Под зыбкою этой луной,
Пока снизойдет Твоя Троица
На рокот и клочок земной,

Пока из тоски и сумятицы
Новейший родится геном,
Душа истомится, истратится,
Последним забудется сном.

И вряд ли увидит, болезная,
(Дай Боже увидеть другим!)
Не это топтанье над бездною,
Не чадный удушливый дым,

А что-то иное, желанное,
Чье имя горит на устах.
Трепещет еще несказанное
И выхода просит в стихах.

Еще безрассудного рвения
На доньшке теплится пыл.
Так дай же мне, Боже, терпения,
Коль искрой своей наделил!

Под черным крылом

Нет, оглошшему миру
стихи не слышны, не нужны,
в результате чего обесценены безнадежно.
Я кажусь себе самозванкой,
я вижу дурные сны,
а когда просыпаюсь, траурные одежды

надеваю и каждый день хороню
свою певчую душу
и все, чем она богата.
Это время убило ее, лишь его виню,
это черным крылом эпохи
душа объята.

Оттеснил все иные законы закон тщеты,
адским ливнем обрушилась
какофония разоренья.
...Каждый день прихожу на могилу,
кладу цветы,
а из-под земли раздается
новое стихотворенье.

Музы и пушки

Пошли хотя бы мне, судьба,
Еще десятилетье
Труда счастливого. Груба
Среда, и отогреть я

Уже не в силах никого,
Как сердце б ни горело.
А все ж влетает Божество
Ко мне, и дух, из тела

Прорвавшись, в мир летит стихом.
О, как же это сладко:
Когда дымят, палят кругом,
Мучительная схватка —

И крик дитяти слышен вдруг.
Нет, не смолкают пушки.
Но муз высокий этот труд,
Он тоже не игрушки.

Случайный прохожий (Поэма-воспоминание)

*На волос был от жизни вечной,
Но — сорвалось!*

А. Кушнер

*...И как-то весело и больно
Тревожить язвы старых ран...*

М. Лермонтов

В окошке телеэкрана
Сирийская панорама:
Взрывают, стреляют, режут.
Увы, harry end не брезжит
В тревожно-багровой мгле.
А я вспоминаю годы
Своей молодой свободы,
Своей огневой и страстной,
Такой же кроваво-красной
Любви на родной земле.

Такая бывает редко,
Чтоб сходу попала метко
В мишень под названием «сердце»,
И тут уж не отвертеться,
Не спрятаться, не сбежать.
Так может случиться с каждым,
Но только поэт расскажет,
Как мучит она и гложет, —
Ведь только поэт не может
О ранах своих молчать.

Уж так он смешно устроен,
Так пылок и беспокоен,
Что загодя грудь подставит
Амуру и то растравит,
Что лучше б забыть навек.
Уж так он нелепо создан,
Что, сколько б ни жил, не поздно
Вновь сердце кромсать на части;
Небесной доверясь власти,
Лирический взять разбег

И в реку воспоминаний
Нырнуть. (О, поэт ныряний
Подобных большой любитель!
Подводного мира житель,
На суше он сам не свой).
Кто вспомнит, вздохнув печально,
Весенних ручьев журчанье,
Кто милой подруги имя
Губами уже сухими
Прошепчет, едва живой...

А я вспоминаю парня
Из Сирии (может, пара
Могла бы из нас сложиться,
Когда б не кружили птицы
Над нами ночных тревог).
Он жил в общежитье, рядом.
Он был мне никем, но взглядом,
Движеньем неуловимым,
Что скрыты сегодня дымом
И пылью земных дорог,

Он что-то сказать пытался.
Себя он чуть-чуть стеснялся,
Поскольку по-русски слова
Ведь даже не знал такого,
Чтоб выразить все как есть.
Он был мне никем, но как-то,
Под бури ночной раскаты,
Под темной стихии рокот,
На мой невзирая ропот
Отчаянья, стал как весть

Благая, как ангел жизни,
Мне посланный к укоризне
В безумной моей и жгучей
Сердечной тоске болочей,
Что так иногда лиха.
Он был со мной в час безумья,
Мой рыцарь благоразумья.
Без слов и увещаний
Меня удержал на грани,
Отвел меня от греха.

Бывает такая мука —
Толкает тебя без звука
На дно, под колеса, в петлю.
Когда допечет, успеть ли,
Суметь ли в последний миг
Себя оторвать от края
Той бездны? Не выбирая
Ее, к ней подчас так близко
Подходим, что степень риска
Поймет не читатель книг,

А тот лишь, кто сам однажды
Вот так же сгорал от жажды
И втайне желал развязки.
Что это не вздор, не сказки,
Он первый поверит мне.
В минувшее мчится поезд,
И я продолжаю повесть
О юноше том арабском,
Что жизни черты и краски
Заставил ценить вдвойне.

Откуда явился, знает
Господь лишь, что посылает
Нам ангелов в час тревожный:
Как будто во тьме безбожной
Зажглась над тобой звезда.
На скользких путях трамвайных
Вы встретите их, случайных
Прохожих, гонцов небесных,
Как тот, что над черной бездной
Меня подхватил тогда.

Не думая долго, поднял
И вынес из преисподней,
Хоть сам и не знал об этом,
Поскольку меж тьмой и светом
Бездумно еще ходил.
Студент. Их училось много
У нас, и какому богу
Молились они, неважно:
Чье сердце стучит отважно,
Тот Бога в нем сохранил.

Заботливо, терпеливо
Он нес меня в мир счастливый
Из жуткой крошечной дали,
Из мира моей печали,
Из края моей беды.
И руки его снимали
Мой жар и покой вселяли.
И руки его сломали
Тот обод холодной стали,
Те взявшие душу льды.

И жизнь потекла помалу,
Взяв курс от того причала.
И жизнь унеслась куда-то
От той незабвенной даты,
От встречи чудесной той.
А ведь и не течь могла бы:
Споткнувшись о те ухабы,
Упала бы и пропала
И в спор бы вступать не стала
С мгновенностью и тцетой.

Как памятен мне тот вечер!
О нет, романтической встреча
По воле судьбы не стала.
Как жаль мне, что не узнала
Я имя его и путь!
Исчез он, как будто не был,
Посланец ночного неба,
Из тысяч один прохожий:
Два глаза на смуглой коже
Горят, отражая суть.

Наутро букет осенний —
Подарок мне к воскресенью —
Под дверью лежал. Я знаю,
Откуда он. Вспоминаю —
И снова дышу теплом.
И нет благодарней сердца,
И тут уж не отвертеться,
От памяти не укрыться,
Молчать не заставить птицу,
Поющую о былом.

Уж минуло четверть века.
О, если б войти в ту реку
Опять и начать сначала
Всю жизнь! Я б тогда припала
К его груди, а не к той,
Что холодом обжигала,
Что так меня измотала.
Я б горя тогда не знала,
Я б может, счастливой стала,
Под ласковой той звездой.

Но реки текут, и нынче,
Когда пульс планеты взвинчен
И носится ветер бранный,
И мирные косит страны
Зловещим своим серпом,
Я вновь вспоминаю парня
Из Сирии. С кем он в паре?
Какими идет путями?
Какими живет вестями?
Какой разрешает спор?

И ныне то общежитье,
Где жил он, стоит, и жить в нем
Другие приходят парни,
Я их молодых компаний
Не раз отмечала шум.
Откуда они сегодня?
Из самой из преисподней:
Из ада того и смрада,
Где жизни сейчас не рады
И здравый теряют ум.

Из области, если точно,
Конфликтов ближневосточных:
Не собственных драк и войн,
А созданных злою волей
Спектаклей с дурным концом.
Кто выживет в этой схватке?
Что станет с планетой шаткой,
Когда разгорится пламя
И встретиться ей с врагами
Придется к лицу лицом?

В окошке телеэкрана
Одна польхает рана,
От Сирии до Египта
Одну наблюдаем битву,
Один режиссерский ход.
Подумай, беспечный зритель,
Глобального мира житель,
Как будешь тогда бороться,
Когда с мировым господством
Сам дьявол в твой дом войдет?

А впрочем, даст Бог, и это
Пройдет преставленье света,
Как в жизни моей когда-то
Тот день миновал проклятый —
Темней я не знала дня.
Случайный придет прохожий
Со смуглой иль белой кожей,
Всю боль мировую примет,
Несчастных над злом поднимет
И вынесет из огня.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	3
Близость моря.....	5
«Таков счастливый мой билет...».....	6
«Будем жить, – сказала я себе...».....	6
Не пишется.....	7
«Не хочется писать обыкновенно...».....	8
«Что такое творчество...».....	9
«Все преходяще – волненья, страданья...».....	9
«Прежней, девичьей наивности...».....	10
«Снова о душе своей уставшей...».....	10
«Одиночество – не среда...».....	11
«Славлю, славлю жизни бег...».....	12
«Поэзия, ты сердца молодого...».....	13
Из детства.....	14
Оттепель.....	15
Зависть.....	16
Писателю.....	17
О понимании.....	18
Поэтический язык.....	19
Время (<i>Две вариации</i>).....	20
Прикосновение.....	21
Память.....	22
Простая история.....	22
Ломаные линии.....	24
Новость.....	26
Приближаясь к нулю.....	27
«Те, жившие до нас...».....	28
С новой весной.....	29
«Когда твоих стихов никто не ждет...».....	30
«Если б не юмор, не крылья иронии легкой...».....	30
«Я не знаю, как пишется стих...».....	31

«И вновь себя принудить жить...».....	32
«Если Вечность слышится в мгновенном...».....	33
Поэтессе.....	34
Мартовские строфы.....	35
«Скрипит расшатанная власть...».....	36
«Что-то движет неясное мной...».....	37
В День поэзии.....	38
Несчастливая любовь.....	40
«Что сегодня о поэзии тужить?..».....	41
О погоде.....	41
«Укажи нам, Господи, планету...».....	42
«Нет, не спорь, эта жизнь хороша...».....	42
«О том, что в жизни все не так...».....	44
«Легко и точно, точно и легко...».....	45
«Один процент ценителей поэзии...».....	46
«Поэты читают поэтов...».....	46
«Где дышат почва и судьба...».....	47
Ночью.....	48
«Жизнь у каждого своя...».....	49
«Пока душа отзывчива...».....	50
«В ситуации данной, конкретной...».....	51
Обычные слова.....	52
«Пока получится хоть что-то...».....	53
Любовь и надежда.....	54
«Не забывайте молодость свою!..».....	55
«И эту жизнь, что уплывает будто дым...».....	57
«От безнадежности, наверное...».....	58
«Смирись, эпоха чувств прошла...».....	59
В своей нише.....	60
«Каждый день – это плач по угасшей мечте...».....	63
«Ни богов, ни героев...».....	63
«Синдром повышенной тревожности...».....	64
«Заветные слова...».....	65
«Вчера нездоровье давило и мяло...».....	66
«Я живу в этом городе тысячу лет...».....	68
«Хотя бы мне, твержу упрямо...».....	69
«Я становлюсь совсем провинциалкой...».....	70

«Остаться в провинции – значит...».....	71
«В этом городе не объяснишь никому...».....	72
Неприятные заметки.....	73
Признание.....	74
Собеседники.....	76
На ветру.....	77
«Остроту изломов...».....	78
«Не славы, не глянцевой скользкой эмали...».....	79
«Пишу потому, что не знаю другого...».....	80
Два посвящения.....	81
Колокольня счастья.....	82
Пути воображения.....	83
Гитарист.....	85
«От прощанья до прощанья...».....	86
«Стих обжигает, как кипяток...».....	87
«И моя порвалась строка...».....	87
Я сама.....	88
Поклонник.....	90
Тема.....	91
В раю.....	92
Стихи о робости.....	94
С историей и без.....	96
«Фестивалей, конкурсов...».....	97
«Прочувствовать время...».....	98
«Эта жизнь убивает...».....	99
«О, если бы ни быта, ни долгов...».....	99
«Ни с кем не надо сравнивать меня...».....	100
«Судеб так тесно запутан узел...».....	101
«Ну скажите на милость, кто виноват?...».....	102
«Нет, не знал ослепительный классик...».....	102
«Этот мир, он все больше...».....	104
Слово.....	105
По утрам.....	106
21 грамм.....	108
Опыт.....	109
«Живи настоящим, себе говорю...».....	111
«Дай мне, Бог, такую ссуду...».....	112

«Такой и запомнюсь, наверное...».....	113
Неожиданное предположение.....	114
В начале июля.....	115
Дождь.....	116
Уроки поэзии.....	118
«И поэт земным идет путем...».....	119
«Как хорошо идти, плести...».....	120
Мелодия.....	121
Мастер.....	122
След.....	123
Не люблю.....	124
Кукушонок.....	126
Поэт.....	127
Без дороги.....	128
Наши дети.....	129
«И дети, растущие в псевдостране...».....	131
«Отчего так прошедшее мило?...».....	132
В океане.....	133
Номо повус.....	135
Путешествие из Одессы в Николаев.....	136
Подсолнух.....	138
Южнорусские строфы.....	139
Разговор по скайпу.....	141
Про нас.....	142
«Когда совсем уляжется земное...».....	143
«Не забудь, взывая к Богу...».....	144
«Беспокойный июль...».....	145
Двор.....	146
Психолог.....	149
«Слежу за ветром, за цветком...».....	151
«Как трудно говорить с не умудренным...».....	151
Хроники среднего возраста.....	152
Без звука.....	154
На заметку.....	155
Наедине с собой.....	156
«По дороге своей ты идешь, идешь...».....	157
«Подобно одной забытой актрисе...».....	158

Шарманка.....	159
Оперетта.....	160
Отличники.....	161
«Старею. Теряю потребность...».....	162
«Нет, что-то с душой происходит...».....	163
«Хоть режь ты меня, хоть ешь...».....	164
2013-й год.....	165
«Стих, когда пишется он...».....	166
«Кто работает со словом...».....	167
Из детства (<i>Продолжение</i>).....	168
Только любовь.....	170
Исхоженный путь.....	171
Август.....	171
На языке морском.....	172
Одессе-маме.....	174
«Прости мне, Господи, что гордая...».....	175
«День полон свежего дыханья...».....	176
Рецепты выживания.....	176
Ученичество.....	178
«Не с рюшами платье – суконная роба...».....	180
«Научить писать стихи?...».....	181
«Пальной ли вихрь тебя несет...».....	181
«Вам пишется?» – спросит игриво...».....	182
«Что наша жизнь, что время наше?...».....	183
«Чем воинственной наступает...».....	184
Неприхотливость.....	185
Сорока.....	186
Добрые люди.....	187
Оглянуться назад.....	188
«Как нестойки наши чувства!..».....	189
«И птицы на ветвях, и светляки в траве...».....	190
«Точи, поэт, карандаши...».....	190
«Еще одно сгорело лето...».....	191
«Я сказала себе: это жизнь моя...».....	192
«Милый город, смилуйся, отпусти...».....	193
В нашем Болливуде.....	194
Девочка, пишущая стихи.....	195

Безрадостное чтение.....	196
«Сколько пишущих, о Боже!..».....	197
«Слышит слух так, видит зренья...».....	198
Молитва.....	198
Мужество.....	199
Ирония.....	200
Два конца.....	201
Шопен. Осенний вальс.....	202
К совершенству.....	203
«Тише, тише, надо спать в ночи...».....	204
«Испускала дух давеча на тризне...».....	205
«Растет тревожная волна...».....	206
«Ты прозу не напишешь никогда...».....	207
«Мне сказали: стройный стих...».....	208
«А если не буду писать?...».....	209
Сентябрь.....	210
Осень в Аркадии.....	210
К морю.....	211
«Ничего не придумано...».....	213
«Каждый день – как слиток золотой...».....	214
В пространстве стиха.....	215
Молитва.....	216
Особенности русской поэзии.....	217
«Я за чистое искусство...».....	219
«Ах, лирика эта!..».....	220
Родные имена.....	222
Загадка гения.....	225
Двое.....	225
Разбитое сердце.....	226
Старому другу.....	227
О счастье.....	228
О нежности.....	229
Тихие песни.....	229
На бумаге и в быту.....	231
«Ничего не значит это слово...».....	233
«Ах, эти разговоры...».....	234
«Я не умею говорить речей...».....	236

Две строчки, или Кошмарный сон.....	237
Холодная осень.....	238
«Тех тревожить не смейте...».....	240
«Так бывает, что жизнь проживаешь за год...».....	241
«Затихает музыка над ухом...».....	241
«И это жизнь?...».....	242
«Пусть ветром листва колышется...».....	242
«А тем, кто скажет, что несовременно...».....	243
«А осень в золоте меж тем...».....	243
«Скупая и хмурая осень...».....	244
«Этот вид за окном: сколько лет, сколько зим...».....	245
Если верить Толстому.....	246
Последние новости.....	246
Борцы за культуру.....	247
О, спорт.....	248
«Кто скажет мне, ужалив как змея...».....	249
«Пока живем еще, на грани...».....	250
«А кто ж еще? Лишь русская душа...».....	250
«Не говорите мне про одиночество...».....	251
«За невесомостью кружев лирических...».....	252
Кому сказать.....	252
Сказки осени.....	254
Было время.....	255
В свой черед.....	258
Воспоминания.....	259
«Отпущен дар мне – весело гореть...».....	260
«А если рождаешься русским поэтом...».....	261
«И вовремя уметь закончить стих...».....	262
«На нитку бусины нанизаны...».....	263
Без лишних слов.....	264
Без оптимизма.....	265
Печать опустошенья.....	266
Осенние скрипки.....	269
«Еще чуть-чуть и осени конец...».....	270
«Даров последних искусительная сладость...».....	270
«Что-то милое, теплое, близкое...».....	271
От пристани белой.....	271

Темные воды.....	272
В ускоренном ритме.....	274
В дыму.....	275
1 декабря 2013 года.....	276
«Меж двух враждебных рас».....	277
«Чур, чур меня! Душу мою...».....	278
«Придут и скажут: откажись...».....	279
К вопросу о «чистом» искусстве.....	280
«Если ветер гневно дует...».....	281
«Все тише голос муз...».....	282
«Взлет и спад, пинки и почести...».....	283
Вопреки.....	284
Молитва.....	285
Под черным крылом.....	286
Музы и пушки.....	287
Случайный прохожий (<i>Поэма</i>).....	288

Издательство "Optimum", 2014
(на русском языке)

Литературно-художественное издание

Ирина Дубровская

БЛИЗОСТЬ МОРЯ

Стихотворения, поэма

Издатель Борис А. Эйдельман.
Редактор И. Р. Харитонкина.

Подписано к печати 25.02.2014.

Формат 84x108/32.

Бумага офсетная. Гарнитура PetersburgCTT.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,66.

Тираж 75 экз. Заказ № _____

Издательство "Optimum", 65045, г. Одесса,
ул. Спиридоновская, 9.

Тел/факс (048) 726-48-98;

тел: (048) 794-12-42; (094) 950-42-42.

Лицензия ДК № 927 от 23.05.2002 г.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в ООО "ВМВ",
65053, г. Одесса, пр-т. Добровольского, 82а.

По вопросам приобретения
книг об истории Одессы,
а также издания книг
любых жанров и тематики
обращаться:

Издательство «Оптимум»

65046 г. Одесса, ул. Флиридоновская, 9

тел. (048) 726 48 98, (094) 950 42 42

(048) 794 12 42

e mail: optimum1@ukr.net